

КУБА

ВЗГЛЯД НА ИСТОРИЮ

Серхио Герра Вилабой
Оскар Лойола Вега

КУБА

СЕРХИО ГЕРРА ВИЛАБОЙ - доктор философии, закончивший докторантуру Лейпцигского университета, историк, профессор, заведующий отделением истории Гаванского университета, исполнительный секретарь Ассоциации латиноамериканских и карибских историков (ADHILAC). Является членом редакционных советов ряда журналов, в том числе "Цинцун и Улуа" (Мексика), «Имбестигасьон и Десаррольо» (Колумбия), «Ко-Эю Латиноамерикано» (Венесуэла) и «Контексто Латиноамерикано» («Оушн Сур»). Выступал с чтением лекций в различных университетах. Автор, в числе прочих трудов, следующих книг: «Парагвай: от независимости к империалистическому господству» (1991), «Кустари латиноамериканской революции» (2000), «Дилемма независимости» (2000), «Пять веков латиноамериканской историографии» (2003), «История Кубинской революции» (2005), «Краткая история Латинской Америки» (2006) и «Эрнесто Че Гевара» (2007).

ОСКАР ЛОЙОЛА ВЕГА - доктор исторических наук, профессор, был заместителем декана факультета философии и истории Гаванского университета (1993-1997), где является председателем Аттестационной комиссии по присуждению звания доктора. Выступал с чтением лекций в университетах разных стран, является соавтором таких книг как «Десятилетняя война» (1989), «Куба и ее история» (1999), «История Кубы. Формирование и освобождение нации» (2001) и др.

КУБА

ВЗГЛЯД НА ИСТОРИЮ

Серхио Герра Вилабой
Оскар Лойола Вега

Ocean Press

Melbourne ■ New York
www.oceanbooks.com.au

© 2012 Серхио Герра Вилабой и Оскар Лойола Вера

© 2012 Ocean Press

Все права защищены. Ни одна часть этого произведения не может быть воспроизведена, сохранена в воспроизводящей системе или распространена в любой форме и любым электронным или механическим способом, фотокопирована, записана на диск или сохранена в любой другой форме без предварительного разрешения издателя.

ISBN 978-1-921700-38-5

Library of Congress Catalog Card Number 2011938750

Первое издание, 2012

Второй издание, 2015

Напечатано Asia Pacific Offset Ltd., China

ОПУБЛИКОВАНО «OCEAN PRESS»

Australia: PO Box 1015, North Melbourne,
Victoria 3051, Australia

USA: 511 Avenue of the Americas, #96
New York, NY 10011-8436, USA

E-mail: info@oceanbooks.com.au

ДИСТРИБЬЮТОРЫ «OCEAN PRESS»

United States and Canada: Consortium Book Sales and Distribution

Tel: 1-800-283-3572 www.cbsd.com

Australia and New Zealand: Palgrave Macmillan

E-mail: customer.service@macmillan.com.au

UK and Europe: Turnaround Publisher Services

E-mail: orders@turnaround-uk.com

Mexico and Latin America: Ocean Sur

E-mail: info@oceansur.com

Ocean Press

Melbourne ■ New York

www.oceanbooks.com.au

www.oceanbooks.com.au

info@oceanbooks.com.au

Оглавление

1. От коренных народов до рабовладельческой плантации	
Кубинский архипелаг и туземное население	3
Завоевание и колонизация	4
Экономика и кубинское общество	8
Возникновение и эволюция плантаций	14
Реформизм, аннексия и рабство	15
2. Борьба за независимость	
Революция 1868 года	25
Период между войнами	32
Революция 1895 года	37
3. Республика и суверенитет	
Первая оккупация	47
От Томаса Эстрады Пальмы до Херардо Мачадо	52
Обязательное десятилетие	67
4. Преддверие и начало Революции	
Борьба вокруг Конституции	79
«Аутентики» у власти	83
Диктатура Батисты и повстанческая борьба	89

5. Революционное правительство

Переход к социализму	97
Строительство социалистического государства	103
Поиски кубинской модели социализма	108

6. От институционализации к особому периоду

Институционализация Революции	115
Исправление ошибок	119
Особый период	122
Битва идей	127

1

От коренных народов до
рабовладельческой плантации

Кубинский архипелаг и туземное население

Христофор Колумб прибыл на остров Куба 27 октября 1492 года, высадившись на северном берегу его восточной части. Кубинский архипелаг, состоящий из одного большого острова, нескольких более мелких островов и сотен островков, порастил испанцев разнообразием своей флоры, красивейшей природой и мягким климатом. Невысокие горы – самая высокая, пик Туркино, поднимается на 1 974 метра - и спокойные реки, наиболее длинная из которых, Кауто, имеет протяженность 343 километра, превращали Кубу в крайне приятную землю в глазах европейцев.

Считается, что первые обитатели появились на Кубе примерно десять тысяч лет назад. В иных географических условиях, чем нынешние, первые группы пришли сюда из районов Миссисипи и Флориды через остров Большая Багама. Позже волнами прибывали из Венесуэлы индейцы группы араваков, как через Центральную Америку, так и переправляясь по дуге Малых Антильских островов; они составили подлинное население острова и в 1492 году еще продолжали прибывать.

Непросто определить, как именовались аборигены. Некоторые называли их гуанакатабей, сибонеи или таино; в других, более серьезных исследованиях, их определяют как охотников, рыболовов-собирателей, протоземледельцев и земледельцев. Этим жителям было очень далеко от сложной культуры и развития народов, населявших континент.

Некоторые группы были знакомы с земледелием и керамикой, все умели добывать огонь, охотились, ловили рыбу и собирали пищу. Они выращивали табак, кукурузу и маниок и жили в маленьких деревнях, на твердых участках или по берегам рек.

К прибытию испанцев некоторые общины уже достигли более высокого развития, они хоронили своих мертвецов, среди них наблюдались зачатки внутреннего разделения функций между вождем, или касиком, беике, или религиозным главой, и остальным обществом. Они устраивали коллективные игры, так называемые бато, общие танцы – ареито и пытались представить в наскальных рисунках окружающий их мир. Высадка испанцев прервала естественное развитие групп кубинских араваков, которые исчезли почти полностью под натиском европейских колонизаторов.

Завоевание и колонизация

Предпринимая свое морское путешествие, Колумб рассчитывал, обогнув земной шар, прибыть в Азию, в Сипанго и Китай, и его намерения были занесены в Соглашение Санта-Фе, подписанное адмиралом и Католическими королями Фердинандом и Изабеллой. В этом соглашении уточнялось, какая часть добытых богатств отойдет нанимателям и какая - морякам.

В случае Кубы тут почти не существовало богатств в виде золота и серебра, на которые надеялись мореплаватели и в которых так нуждалась зарождающаяся европейская капиталистическая экономика, в связи с чем Колумб предпочел прежде всего обратить свое внимание на Санто-Доминго и основал там первое испанское поселение. Во

время своего второго путешествия в 1493 году он проплыл вдоль южного побережья Кубы, почти достигнув мыса Сан-Антонио в западной части острова, и заставил моряков подписать акт, подтверждавший прибытие на континент. Вернувшись на остров Эспаньола, он продолжал отводить ему первостепенную роль, в силу чего на протяжении почти пятнадцати лет испанская монархия проявляла к Кубе относительно небольшой интерес.

Губернатор Санто-Доминго Николас де Овандо получил в 1508 году приказ проплыть вдоль берегов Кубы, то есть исследовать ее с моря, и это было совершено Себастьяном де Окампо, который таким образом доказал, что Куба является островом. Внутренние распри между испанской монархией и сыном и наследником Колумба по имени Диего – новым губернатором Эспаньолы – привели к тому, что в 1510 году, когда начался процесс завоевания и колонизации Кубы, предпочтение было отдано Диего Веласкесу, а не Бартоломе Колумбу.

Веласкес прибыл на Кубу в районе Майси. Поскольку индейцы почти не оказывали сопротивления, выполнять полученные им указания было несложно. В конце 1510 года или в начале 1511 года губернатор основал первый город – Нуэстра-Сеньора-де-ла-Асунсьон-де-Баракоа, а позже занялся освоением всей территории: один бриг отправился вдоль северного побережья; колонна двинулась по центральной части острова – сначала под командованием Франсиско де Моралеса, но его быстро сменил Панфило де Нарваэс – человек, близкий к губернатору Веласкесу, а сам Веласкес двигался по югу. В действительности туземцы сопротивлялись очень слабо, если не считать сбежавшего с Санто-Доминго касика Атуэя, который был сожжен на костре, так что процесс завоевания был быстро завершен.

С 1512 по 1515 годы было основано шесть новых городов: Сан-Сальвадор-дель-Баямо, Сантисима-Тринидад, Сан-Кристобаль-де-Ла-Абана, Санкти-Спиритус, Санта-Мария-дель-Пуэрто-дель-Принсипе и Сантьяго-де-Куба; последний, заменив Баракоа, стал местом пребывания правительства острова. Позже некоторые города были перенесены на другие, окончательные места.

Создание колонии путем ее заселения, каковой была концепция испанцев, закладывало основы для будущих противоречий между самой монархией в лице ее чиновников и высшим органом местного управления, кабильдо, состоявшим из рехидоров, которые избирали из своего числа алькальда. Шли десятилетия, и кабильдо превращалось во все более замкнутую группу олигархов, имевших в каждом районе свои специфические интересы, которые довольно часто приходили в столкновение с интересами метрополии. Если не считать губернатора острова, основными испанскими чиновниками были веедор, или фактор (осуществлявший функцию контроля), контадор (счетовод) и казначей; также существовала должность представителя кабильдо при дворе, который назывался прокурадор. Нельзя забывать о сильном присутствии католической церкви, главной обязанностью которой было наставлять туземцев в католической вере.

Конкистадоры не смогли найти на Кубе золота - главного, что было им нужно; на острове не было больших месторождений этого металла. Кое-какие количества можно было получать, промывая речной песок; этот тяжелый труд выполнялся индейцами и прекратился около 1542 года. Горную добычу вытеснило разведение крупного рогатого скота, свиней и лошадей, это стало новой хозяйственной статьей, целью которой было как потребление, так и экспорт на новые, уже завоеванные

территории континента. В условиях покрывавших Кубу лесов скотоводство получило огромное развитие. Помимо этого, чтобы выжить, европейцам пришлось пустить в пищу растения, которые выращивались индейцами, такие как маниок, из которого делали лепешку, называемую касабе и заменявшую хлеб; также медленно, но упорно все большее экономическое значение приобретал табак.

Не имея на это должного разрешения, Веласкес стал распределять земли индейцев между испанцами – членами своего войска. Известно, что в 1536 году кабиљдо Санкти-Спиритуса, следуя уже установившейся практике, раздало земли в окрестностях города, что называлось «мерседар» – распределять милости. Эта вручение земли подразумевало не юридическую собственность – земля принадлежала королю, – но право ее использовать, уплачивая монархам и церкви соответствующий налог. Эти «милости» – земельные наделы – имели различные категории, в их числе были «эстансия», или «асьенда», «ато» и «корраль». Противоречие между легальным пользованием и отсутствием юридической собственности создавало в течение весьма долгого периода национальной истории серьезнейшие проблемы для развития капитализма на Кубе.

Вместе с вручением земель раздавались индейцы, чтобы обрабатывать их. Известные под названием энкомьенда, эти отношения связывали индейца с испанцем не в форме классического рабства, а в форме, схожей с закрепощением. Индейцы должны были работать по четырнадцать-шестнадцать часов в день, оторванные от своей семейной и культурной среды. В слабо развитом туземном обществе, не знавшем классовой эксплуатации, система энкомьенд, наряду с болезнями, занесенными европейцами, привела к подлинному истреблению индейцев, чье естественное

воспроизводство было насильственно прервано. Отсутствие белых женщин стало причиной большой метизации, причем потомки индианок и испанцев в тот начальный период по большей части входили в европейский, а не в туземный сектор.

С первого десятилетия колонизации в целях решения проблемы рабочей силы начали привозить африканских негров, намного более выносливых в условиях тяжелой эксплуатации, чем смирные аборигены. Поначалу негры прибывали на Кубу время от времени, мелкими партиями, затем достаточно стабильно и включились в процесс метизации. Очень отличающиеся один от другого африканские культурные миры стали быстро смешиваться с рождающейся испанско-индейской культурой, так что в силу такого симбиоза определенные нынешние черты кубинской нации начали зарождаться уже в середине XVI века.

Экономика и кубинское общество

Экономическая эволюция острова шла медленно, в соответствии с очередностью, определяемой Испанией в отношении новых американских территорий. На первом этапе Куба оказалась почти без населения, поскольку шло завоевание Мексики и совершались экспедиции, такие как экспедиция Эрнандо де Сото во Флориду. Испанцы, остававшиеся на острове, адаптировались быстрее, чем этого можно было ожидать. В середине XVI века в возникавшем колониальном мире уже было заметно присутствие нового поколения жителей, в своем большинстве уроженцев Больших Антильских островов.

В течение XVI и XVII веков и даже в первой половине XVIII века важное место продолжало занимать разведение крупного рогатого скота в его двойной функции – как продукта питания и как торговой статьи. На территории острова преобладали огромные поместья животноводов, розданные в форме «ато». Однако очень скоро эти поместья начали испытывать конкуренцию товарного сельского хозяйства, и так были заложены основы для их последующей ликвидации.

Выращиванию табака испанцы научились у индейцев; его сажали на плантациях по берегам рек; то была особая культура, не требовавшая большого количества рабов. Этот продукт также не нуждался ни в крупных капиталовложениях, ни в больших участках, и рост его потребления в Европе способствовал тому, что его производство постоянно увеличивалось. К этому надо добавить выращивание растений для питания жителей городов, в особенности Гаваны. Таким образом можно понять, что животноводческие поместья отступали под натиском более рентабельного сельского хозяйства. Испанское правительство и кабильдо старались защищать мощную группу владельцев поместий, но растущие потребности монархии, связанные с необходимостью обеспечивать питание массе солдат и моряков, и налоги, которые сельскохозяйственные продукты приносили казне, привели к тому, что законодательство было очень неупорядоченным, в результате чего тяжбы между земледельцами и помещиками составили большую главу в первоначальной истории Кубы.

Испанская торговая монополия, осуществляемая с самого начала колонизации через Торговый дом в Севилье, с особой силой ощущалась на Кубе, едва ли получавшей из Испании самые необходимые продукты. С окончательным

образованием в 1566 году системы флотилий корабли, шедшие с континента, начали собираться в Гаванском порту, который превратился в главный порт Нового света. Галеоны должны были стоять на гаванском рейде только несколько недель, но из-за обычных промедлений они оставались здесь по нескольку месяцев, что дало толчок к производству и продаже в городе Сан-Кристобаль-де-Ла-Абана большого ассортимента изделий.

В равной степени тут возникло поразительное число постоянных дворов и таверн, что способствовало развитию проституции; в особенности этим занимались рабыни-негритянки, которых их хозяева посылали на ежедневный промысел. Для защиты богатств, хранившихся на гаванских складах, метрополия построила на берегах бухты замки Реаль-Фуэрса, Ла-Пунта и Трес-Рейес-дель-Морро, благодаря чему город оказался самым укрепленным в Америке. Видные семьи членов кабиљдо, связанные с делами, имевшими отношение к пребыванию флотилий, постепенно накапливали значительные состояния, что содействовало экономическому подъему в XVIII веке.

Предоставленные самим себе, города внутренних районов страны не получали никаких выгод от системы флотилий, так что там быстро возникла нелегальная, неупорядоченная торговля, называемая контрабандной или «свободной», которая велась по рекам и с использованием многочисленных выгодных элементов рельефа с английскими, французскими и голландскими корсарами и пиратами. Предлагая продукты земледелия, жители городов получали взамен изделия, которые Испания не поставляла. В этой торговле наряду с жителями участвовали сами испанские региональные власти. Монархия усиленно пыталась пресечь ее, но безуспешно. Примером может служить то небольшое, чего добился

представитель губернатора Педро Вальдеса Мельчор Суарес де Поаго, когда попытался взять под контроль огромную контрабандную торговлю, которую вели жители Баямо в начале XVII века; это привело к заведению дела, затем прекращенного в суде Санто-Доминго.

Корсары из стран, враждебных Испании, не раз устраивали нападения на Кубу – назовем в их числе таких, как Фрэнсис Дрейк, Франсиско Нау, Генри Морган и Хильберто Хирон, кто в 1604 году захватил в плен в Баямо епископа Хуана де лас Кабесас Альтамирано, спасенного затем местным негром-рабом; любопытно, что этот эпизод лег в основу поэмы «Зерцало терпения» – первого поэтического произведения на кубинские темы, написанного на острове. Чтобы избежать более сокрушительных атак, Испания попыталась ввести определенный административный контроль и в законном порядке подтвердила факт, совершившийся еще в 1553 году, – перенос столицы в Гавану.

Кроме того, она разделила территорию острова на две области с собственными правительствами – Сантьяго-де-Куба и Сан-Кристобаль, причем первое подчинялось второму. Примечательно, что города в центральной части острова – Тринидад, Санкти-Спиритус и Сан-Хуан-де-Ремедьос – не попали ни в одно территориальное управление, так что их жители на протяжении десятилетий пользовались определенной автономией. В числе предписаний по контролю можно отметить Указы Касереса, изданные оидором Алонсо де Касересом в 1574 году, где регулировались многочисленные аспекты экономической и социальной жизни острова.

Система флотилий способствовала урбанистическому развитию столицы, и в период 1550-1574 годов была построена Главная приходская церковь, в 1578 году

- монастырь Санто-Доминго и в 1584 году - монастырь Сан-Франсиско, а также в 1592 году была проложена Санха-Реаль (Королевская канава), чтобы подавать воду в город. Прогресса в других городах не наблюдалось, и сеть городов пополнилась позже лишь созданием двух крупных населенных пунктов – это были Санта-Клара и Матансас.

Заинтересованность испанской монархии в развитии товарного сельского хозяйства на Кубе вылилась в табачную монополию, то есть покупку королевской казной всего годового урожая в целом, причем она устанавливала цены по своему усмотрению. Незакупленная продукция должна была уничтожаться. Это вызвало сильные протесты со стороны табаководов (вегери), однако их требования игнорировались; в период 1717-1723 годов напряженность продолжала возрастать, и в этом последнем году вегери попытались сжечь табачные склады в Гаване; губернатор Грегорио Гуасо ответил жестокими репрессиями, несколько человек были повешены. Это событие служит примером уже происходивших столкновений между испанцами «из Испании» и жителями колонии.

В середине XVIII века в системе монополии был сделан новый шаг – была образована Гаванская королевская торговая компания с капиталами жителей Кубы и испанцев из Испании и с участием монархии. Компания вывозила и ввозила всевозможные товары, включая рабов. Ее акционеры, спекулируя на производстве и реализации, получали немалые доходы, но они вкладывались лишь в урбанистическое и культурное развитие столицы, о чем свидетельствует создание Королевского протомедицинского суда, который упорядочивал работу зубных врачей, врачей и фармацевтов; появление типографии в 1723 году и в особенности открытие в 1728 году Гаванского университета – это было давним желанием

жителей острова. Гавана с население около пятидесяти тысяч человек, в то время как на всей Кубе проживало примерно сто тысяч, была в 1762 году главным испанским городом в Карибском регионе и в Центральной Америке.

Важность этого города стала очевидной именно в этом году в ходе войны Франции против Англии, вспыхнувшей вследствие подписания между Францией и Испанией так называемого «Семейного договора». Англия решила захватить Гавану, для чего высадила в ее окрестностях огромную экспедицию из более чем десяти тысяч солдат, которые после ожесточенных боев овладели холмом Ла-Кабанья и замком Эль-Морро и заставили городские власти сдаться; в результате этого запад Кубы в течение примерно одиннадцати месяцев находился в руках англичан. Господство англичан не изменило традиционные структуры, однако облегчило ввоз рабов и дало большой толчок торговле, в особенности с тринадцатью английскими колониями в Северной Америке – то был первый контакт, имевший весьма значительные последствия в дальнейшей истории Кубы.

В конце концов, Испания посредством обмена вернула себе прекрасный город. Однако немаловажным был тот факт, что в то время как испанские чиновники не прикладывали особых усилий, чтобы удержать город, его жители и жители соседних селений, возглавляемые Хосе Антонио Гомесом – Пепе Антонио, алькальдом Гуанабакоа, объединив своих рядах белых, черных и даже рабов, отважно сражались против англичан, отстаивая Гавану; таким образом кубинцы доказали, что тесно связаны с этой землей. После возврата города, сознавая его значимость, Испания еще больше укрепила его, воздвигнув крепость Ла-Кабанья. Заинтересованность ведущей европейской державы в кубинской столице свидетельствует о том, что

постепенно наступали новые времена и вместе с ними приближались социально-экономические изменения.

Возникновение и эволюция плантаций

Рабовладельческие плантации были определяющей производственной системой на Кубе в течение целого столетия – с конца XVIII века до 1886 года. Они возникли не на Кубе, так как уже существовали на других Антильских островах и в особенности в Соединенных Штатах и Бразилии. Под рабовладельческой плантацией следует понимать социально-экономическую систему, производящую тропическое сырье для мирового рынка на основе труда рабов, главным образом вывезенных из Африки.

Развитию плантаций в конкретных условиях Кубы способствовало сочетание ряда факторов. Из них надо упомянуть следующие: накопление капиталов в руках гаванской олигархии; введение испанской монархией просвещенного деспотизма, применявшего более эффективные методы правления; революция на Гаити, покончившая с производством кофе и сахара в этой колонии; деятельность в гаванском кабилъдо видных личностей, таких как Франсиско де Аранго-и-Парреньо, установивших прочные отношения с испанским правительством; изданный в 1778 году регламент свободной торговли между Испанией и Западными Индиями, который в определенной степени смягчал торговую монополию; быстрое увеличение числа ввозимых на Кубу рабов, что было необходимо для расширения плантационного хозяйства, и большое количество еще свободной земли.

Если говорить в географическом плане, плантации на Кубе распространились по нынешним провинциям Город Гавана – в ее восточной и южной, еще не урбанизированной части, Гавана и Матансас; под ними были заняты также большие территории в Сагуа-ла-Гранде, Сьенфуэгосе, Тринидаде, Сантьяго-де-Куба и Гуантанамо. Однако можно сказать, что в целом их распространение шло с востока на запад, и сахарные заводы заполнили район Гавана-Матансас. По своей промышленной сложности сахарные заводы делились на трапиче – наиболее простые, затем следовали инхенио и сентраль. Само собой разумеется, что чем больше плантации и чем больше сахара производится, тем больше требуется чернокожих рабов и свободных негров, больше испанцев занято на этих заводах, лучше железнодорожное сообщение, выше научное и культурное развитие. Плантации в большой степени покончили с традиционным поместьем, внеся связанные с ними идеи во все секторы кубинского общества и определив основные современные характеристики этого антильского народа.

Реформизм, аннексия и рабство

В большой степени круг идей, складывающихся вокруг системы плантаций, отвечает необходимости оправдать и сохранить рабство, и в специфическом случае Кубы эти идеи получили, с теоретической точки зрения, реформистскую направленность. Однако к периоду плантационного хозяйства, совпавшему с моментом пробуждения кубинского национального сознания, относится также появление первых признаков национализма, несущего в себе идеи независимости (индепендентизма), который характеризовал вторую

половину XIX века. Преобладавшие в период 1790 - 1868 годов, реформистские идеи не были однородными, и их варианты позволяют рассматривать их как очень разнохарактерную совокупность концепций, включавших целый ряд проблем – от рабовладения до юридических отношений с Испанией. Так что следует говорить не столько о реформизме, сколько о реформизмах.

Любой анализ реформистских идей должен исходить из уточнения питавших их источников, и в случае Кубы это было лучшее, что заключалось в испанском либеральном мышлении – в идеях таких личностей как Гаспар Мельчор де Ховельянос и Франсиско Пи-и-Маргаль; латиноамериканское мышление, связанное с процессом борьбы за независимость на континенте; либерально-буржуазные концепции, шедшие из Соединенных Штатов, которые приобретали на Кубе все больше влияния, и, главным образом, европейский буржуазный либерализм, приведший к Французской революции 1789 года и развивавшийся на ее основе. Кубинский буржуазный либерализм реформистского толка никогда не копировал механически необходимые ему элементы, а наоборот, сплавил воедино вышеуказанные источники, приспособил их к условиям острова и, опираясь на этот фундамент, породил круг идей, столь ценных в их определенных националистических и культурных аспектах, что они сохранились до настоящего времени

Главным идеологом буржуазного реформизма на Кубе в первой половине XIX века был Франсиско Аранго-и-Парреньо. Глубокий знаток и защитник европейского просвещения, он был самым ярким представителем рабовладельческих кругов периода возникновения плантаций. Его концепции, в которых ощущалась растущая гордость его принадлежностью к Кубе, хотя он еще

смешивает испанскую родину с кубинской, на протяжении всей его жизни заключают в себе основные черты реформизма. Для него Куба – страна только белых, тех, кто составлял рождающуюся нацию, и работорговля и система плантаций были необходимы для развития антильского острова, который мог находиться в составе испанской монархии, не отделяясь от нее. Отсюда его неприятие идей независимости. Его деятельность в Мадриде позволила ему добиться больших выгод для представляемого им сектора рабовладельцев.

Реформизм Аранго приносил очень хорошие результаты вплоть до исторического момента континентальной независимости. Освобождение Америки и исчезновение испанского просвещения с воцарением Фердинанда VII изменили отношения между Кубой и Испанией, поскольку вторая стремилась получать от первой богатства, которых она лишилась на континенте. Поэтому в 1825 году губернатор острова получил чрезвычайные – всеобъемлющие – полномочия, и к 1837 году кубинские депутаты, избранные в кортесы, были изгнаны. В 30-е годы XIX века Куба перестает рассматриваться как составная часть монархии, теперь она считается ценной сахарной колонией, которую позволительно эксплуатировать. Подобная точка зрения в Испании вместе с ростом национального сознания у новых и все больших социальных групп привела к тому, что во второй трети века буржуазный реформизм крупных рабовладельцев вытесняется реформизмом, защищаемым другими секторами населения.

Ярким представителем новых веяний в реформизме стал историк и социолог Хосе Антонио Сако. Упорный защитник кубинской нации, смелый обличитель язов колониализма, Сако возглавил молодых деятелей культуры,

среди которых видное место занимал воспитатель и философ Хосе де ла Лус-и-Кабальеро; все они были далеки от реформизма крупных рабовладельцев и продолжали путь, намеченный епископом Хуаном Хосе Диасом де Эспада, который отражал требования промежуточных слоев кубинского населения. Борьба за отмену работорговли предполагала через некоторое время исчезновение рабства. Критика испанской правительственной системы во многом способствовала осознанию разными секторами населения бед колониализма. Высылка Сако из страны в 1834 году и прогрессирующая болезнь Лус-и-Кабальеро отрицательно сказались на возможной эффективности мелкобуржуазного реформизма тридцатых годов.

Буржуазный реформизм вновь с силой заявляет о себе в 70-е годы XIX века, в период правления губернатора Франсиско Серрано, герцога де ла Торре и супруга видной кубинки. Система плантаций уже вступила в период кризиса, их продукты все больше зависели от американского рынка, в связи с чем сторонники этой системы использовали в своих требованиях гораздо более умеренный язык, чем в предыдущие эпохи. Реформистская группа, теперь возглавляемая Хосе Моралесом Лемусом, выступала за различные экономические и политические реформы и компенсированную отмену рабства. Когда в 1866-1867 годы их призвали в Мадрид для выступления перед Информационной хунтой, их требования не нашли отклика у представителей монархии, которая ввела новый налог без отмены прежних. Проигнорированные метрополией, кубинские реформисты упустили последнюю важную историческую возможность, и на политической арене их сменил индипендентизм.

В рамках реформизма следует проанализировать особое направление, достаточно сильное в определенный момент:

идеи сторонников включения Кубы в состав Соединенных Штатов. Получившее название аннексионизм, это течение нельзя рассматривать исходя из современных предпосылок, требуется поместить его в историческую действительность того момента. Развитие, достигнутое Северной Америкой, существование на юге этой страны сильного рабовладельческого режима и республиканские документы, регулировавшие жизнь американцев, - все это, в числе других факторов, объясняет усиление аннексионизма на Кубе, главным образом на западе, в период с 1840 по 1854 год.

Генерал испанской армии Нарсисо Лопес - венесуэлец по происхождению, проживавший на Тринидаде, - предоставил себя в распоряжение «Гаванского клуба», чтобы попытаться в 1850-1851 году предотвратить возможную отмену рабства посредством экспедиций, финансируемых Югом Соединенных Штатов, кому было выгодно нарушить в свою пользу равновесие внутри Американского Союза между рабовладельческими и нерабовладельческими штатами. Единственным положительным итогом этих попыток, характеризовавшихся рабовладельческой гнусностью, было создание кубинского национального флага. После смерти Нарсисо Лопеса, казненного при помощи гарроты, гарантии, данные Великобританией Испании, с тем чтобы не оказывать на нее давление с целью отмены рабства на Кубе, стали причиной ясно выраженного упадка этого течения.

Однако аннексионизм не был однородным. Главную группу его сторонников на западе составляли рабовладельцы, которые боролись изо всех сил, чтобы не допустить отмены рабства. В других районах, особенно в Тринидаде и Камагуэе, идея аннексии мотивировалась

стремлением воспользоваться развитием и свободами американского Севера, что подразумевало радикальное уничтожение рабства. Его представители, самым крупным из которых был камагуэйский помещик Хоакин де Агуэро, казненный колониалистами, были современниками западного аннексионизма, однако не разделяли содержание его программ.

Сильное и прочное течение индипендентистов – сторонников независимости – сложилось в эпоху плантаций, хотя тогда оно не было преобладающим. Связанный с самого начала с возникновением и эволюцией нации, индипендентизм проявился в литературе благодаря поэту Хосе Мария Эредиа, внесшим в кубинскую культуру и мышление свод важнейших идей, подхваченных его продолжателями.

Другие группы и классы, отличавшиеся от представленных сторонниками рабовладения, действительно стремились создать национальное государство. В их числе следует отметить заговор, вдохновленный Гаитянской революцией и раскрытый в 1812 году, которым руководил свободный негр Хосе Антонио Апонте. Представители средних слоев организовали тайные общества «Солнца и лучи Боливара» в 1822 году и «Великий легион Черного орла» в 1829-1830 годах; хотя эти заговоры были раскрыты колониальными властями, они продемонстрировали, что остров не был полностью изолирован от революционного движения на континенте, и в то же время показали, какую силу приобретали средние городские слои, особенно в Гаване – городе, чье население в 1817 году уже превышало сто двадцать тысяч жителей.

Главным и наиболее полным выразителем индипендентизма в первой половине XIX века стал

гаванский священник и преподаватель Феликс Варелас-и-Моралес. Профессор Конституции в семинарии Сан-Карлос, депутат кортесов в 1822 году и радикальный аболиционист, он был вынужден из-за преследований со стороны короля эмигрировать в Соединенные Штаты, где издавал в 1824-1826 годах газету «Эль Абанеро», глубоко проникнутую идеями индипендентизма. Этика Варелсы, его чувство патриотического долга, его отождествление с движениями за независимость на континенте и его блестящие ученики – Сако, Лус-и-Кабальеро – превратили его в самого выдающегося кубинского деятеля его времени.

Нельзя не указать на главную характеристику периода плантаций: это возникновение и эволюция кубинской культуры. Уходя своими основными корнями в культуру Испании, неизменно открытая для лучших мировых достижений, кубинская культура с самого начала переработала европейское, американское и африканское наследие, ассимилируя все необходимое и преобразуя его в нечто новое, отвечающее национальным интересам. История, педагогика, литература, музыка, журналистика, экономика, демография, архитектура, естественные науки, медицина и философия – чтобы назвать лишь некоторые – были жанрами и отраслями знаний, в которых выдвинулось много ярких личностей. Прекрасные учебные заведения подготовили несколько поколений будущих патриотов, хотя негритянским детям почти не давалось образования. В те колониальные времена национальная культура сумела быть на высоте, требовавшейся очень юному обществу.

2

Борьба за независимость

Революция 1868 года

Возникновение антиколониальной борьбы на Кубе объясняется различными факторами, которые проистекают от чрезвычайно сильной испанской эксплуатации и от созревания национального сознания. Процесс заговоров разворачивался в центрально-восточном районе страны, не связанном с системой плантаций, и их участниками были видные фигуры из кругов землевладельцев, которых поддерживали революционные представители интеллигенции и в особенности белые и черные крестьяне. Начавшаяся в Демахагуа 10 октября 1868 года под предводительством адвоката Карлоса Мануэля де Сеспедеса революция 1868 года – или Десятилетняя война – быстро распространилась на другие районы, и в числе ее главных фигур выделились такие как Игнасио Аграмонте, Франсиско Висенте Агилера, Педро Фигереди, Сальвадор Сиснерос, Максимо Гомес и Антонио Масео. Первоначальная революционная программа, разработанная Сеспедесом, отражена в Манифесте Десятого октября.

Воспользовавшись фактором внезапности, революция смогла устоять, и различные вооруженные группы – называвшиеся мамби – приняли в Гуаймаро 10-11 апреля 1869 года Конституцию, в которой учреждалась Республика Куба с применением классического буржуазного разделения на три власти – исполнительную, законодательную и юридическую, при этом военный аппарат подчинялся первой. Введенная структура делала упор на гражданский компонент из страха перед

милитаристским каудильизмом, преобладавшим на остальном континенте.

Сеспедес был избран президентом Республики, и ее палата представителей занялась разработкой кодекса законов, заменивших традиционное испанское законодательство. Правительство в Мадриде, переживавшее проблемы, связанные с революцией в сентябре 1868 года, после слабых попыток примирения применило с апреля 1869 года политику «войны на уничтожение», оживив деятельность прежних корпусов добровольцев, вследствие чего любое понимание между обеими враждующими сторонами оказалось невозможным.

Постепенно, почти безо всякой помощи из-за рубежа, кубинские повстанцы приобретали военный опыт и веру в собственные силы. Из главных исторических задач, которые им предстояло решить, - национальная независимость и отмена рабства - вторая, которая, казалось бы, нашла свое решение в Конституции, столкнулась с некоторыми препятствиями, пока не была проведена окончательная отмена рабства в 1870 году. Борьба против Испании в сельских местностях позволила значительно сгладить разрыв между двумя основными расами, составляющими кубинский народ, сделав большой шаг в сторону интеграции нации. Понемногу на неблагоприятном театре военных действий - на примерно шестидесяти пяти тысячах квадратных километров сражалось около пяти тысяч мамби против почти ста тысяч испанцев - кубинцы освобождали пядь за пядью сельские территории, в то время как Испания сохраняла свою власть в селениях и городах.

В декабре 1869 года обострились отношения между исполнительной и законодательной властью кубинцев, в особенности по причине смещения главнокомандующего Мануэля де Кесада. Кесада, зять президента, был смещен

палатой, когда обратился с просьбой предоставить большую свободу военному аппарату, и его должность так и не была занята, в связи с чем каждый генерал должен был применять меры, которые считал нужными в своем районе, безо всякого централизованного контроля. Кубинская эмиграция в Соединенных Штатах, обескровленная внутренними стычками, почти не помогала бойцам-мамби. Сеспедес отправил Кесаду в эту страну в качестве своего личного посланника, вследствие чего эмиграция разделилась на две группы – кесадистов и альдамистов, сторонников гаванского помещика Мигеля Альдамы. Со вспыхнувшей ссорой не смогло покончить даже прибытие кубинского вице-президента Франсиско Висенте Агилеры.

Ряд латиноамериканских страны выразили свою поддержку Республике Куба, хотя чрезвычайно низкое экономическое развитие региона ограничило ее реализацию; однако многие молодые люди континента прибыли на Кубу, чтобы бороться за ее свободу, и в их числе выделились пуэрториканец Хуан Руис Ривера и колумбиец Хосе Рохелио Кастильо, которые получили звания генералов

Американский президент Улисс Грант, в соответствии с традиционным интересом своей страны к Кубе, не признал состояния войны, в каком находились кубинцы; он ставил препятствия для их патриотической деятельности на территории Соединенных Штатов, в своих ежегодных посланиях конгрессу осуждал войну на Кубе и поддержал Испанию, предоставив ей имевшуюся у него информацию. Через секретаря Гамильтона Фиша Соединенные Штаты провалили в 1874 году замечательный план колумбийцев - купить у Мадрида кубинскую независимость путем внесения денежного вклада каждой американской нацией. Основным намерением американской администрации

на протяжении войны было сохранять остров в руках Испании до тех пор, пока Соединенные Штаты не смогут его приобрести.

В первое пятилетие революции произошел ряд событий, важнейших для ее понимания: это вступление в район Гуантанамо войск Максимо Гомеса в 1871 году; происшедший также в 1871 году расстрел восьми студентов-медиков, которые были невиновны, – преступление, совершенное по требованию испанских добровольцев в Гаване; гибель в 1873 году в Химагуаю Игнасио Аграмонте; смещение Сеспедеса в 1873 году из-за его разногласий с палатой в Бихагуале и позже его гибель в Сан-Лоренсо в 1874 году; пленение генерала Каликсто Гарсиа в Сан-Антонио-де-Баха и проведение в 1874 году главных сражений войны в районе Камагуэя: Наранхо, Мохакасабе и Лас-Гуасимас, всеми ими командовал первый из генералов мамби – Максимо Гомес. Колебания испанской политики – монархия, республика и реставрация Альфонсо XII – в определенной степени способствовали успехам повстанцев.

В начале 1875 года Максимо Гомес с менее чем двумя тысячами человек, в своем качестве командующего Камагуэя и Лас-Вильяс, начал наступление на эту последнюю территорию, рассчитывая затем распространить его на запад. Мамби преодолели линию укреплений от Хукаро до Морона – цепь военных фортов, разделявшую Кубу пополам, – и разрушили множество сахарных заводов и усадеб, осуществляя военную тактику, известную под названием «зажженный факел». Параллельно они освобождали рабов, встречавшихся им на пути. Колониальная власть на острове пошатнулась, однако внутренние проблемы революции помешали продолжать наступление.

После начала вторжения Гомес попросил палату прислать ему подкрепления. Когда это должно было осуществиться, отобранные войска из восточных провинций, созданные руководителями, близкими генералу Висенте Гарсиа, собрались в Лагуна-де-Варона, где с общего согласия его друзья, родственники Сеспедеса – смещенного президента – и солдаты, которые не хотели идти в Лас-Вильяс, чтобы не покидать родных мест, потребовали у гражданского руководства, в числе прочего, заменить президента Сиснероса, изменить Конституцию и созвать выборы.

Исполнительная и законодательная власть проявили внутреннюю слабость, не приняв решительных мер против подобного мятежа, и чтобы разрешить ситуацию, попросили Гомеса встретиться с генералом Гарсиа. В конце концов, после этой встречи было решено, что временно исполняющим обязанности президента станет Хуан Баутиста Споторно, кто в 1876 году передал пост Томасу Эстраде Пальме. Революционное единство было полностью подорвано, и наступление на запад остановилось. Отсутствие поддержки наступавшим войскам привело к гибели командира авангарда, американца Генри Рива по прозвищу Эль-Инглесито.

Регионализм – отличительная черта кубинской колониальной жизни – с давних времен пустил корни среди бойцов Лас-Вильяс и достиг такой степени, что в октябре 1876 года поляк Карлос Ролофф от имени офицеров Лас-Вильяс попросил Максимо Гомеса отказаться от командования районом. Крайне уязвленный, изгнанный командир вернулся в Камагуэй в трудные минуты, требовавшие прочного революционного единства ввиду политики, проводимой новым испанским губернатором Арсенио Мартинесом Кампосом.

Известный в Испании как Умиротворитель за его успешное решение острых политических и военных проблем своей страны, Мартинес Кампос – вышедший из стен военной академии офицер, который уже ранее участвовал в кубинской войне, – ввел меры, направленные на то, чтобы покончить с конфликтом не только в военном плане. В их числе было возвращение захваченных земель крупным кубинским землевладельцам; сохранение жизни мамби, которые явились бы к испанцам, причем, если это требовалось, им давали некоторые суммы денег; отмена депортаций; раздача пайков голодающим бойцам, и особенно очистка каждого клочка территории, чтобы таким образом покончить с повстанцами. В момент кризиса революции такая политика дала ему великолепные результаты.

Правительство мамби попыталось разрешить кризис, назначив генерала Висенте Гарсиа командующим в Лас-Вильяс. Он не выполнил этого приказа сразу и в мае 1877 года организовал новый военный мятеж, на этот раз в Санта-Рита, опять ссылаясь на несогласие с программой. Решив не выполнять распоряжения правительства, Гарсиа вернулся в Лас-Тунас – свой обычный район. Сражения в центральном регионе почти прекратились, и в исполнительном аппарате вновь начался кризис, когда в ноябре 1877 года попал в плен в Тасахерас президент Эстрада Пальма. В течение короткого времени исполняющим обязанности президента был Франсиско Хавьер де Сеспедес, но затем палата решила прибегнуть к любой мере, чтобы спасти Республику, и президентом был назначен Висенте Гарсиа.

В силу сочетания различных факторов 10 февраля 1878 года в усадьбе Санхон состоялось подписание мирного договора без признания независимости страны. Войска

мамби были вымотаны в результате почти десяти лет войны, к чему добавлялись слишком скудные военные средства, поступавшие из-за рубежа; отсутствие единства между бойцами; субъективные побуждения, двигавшие многими главными руководителями; неэффективный аппарат революционного руководства, препятствовавший проведению военных операций, вместо того чтобы содействовать им; отсутствие сильного централизованного командования в армии и имевшиеся у некоторых командиров определенные концепции, касавшиеся отношения гражданская власть - военное командование. Эти недостатки были весьма удачно использованы Мартинесом Кампосом. В Санхонском пакте, положившем конец революции 1868 года, признавалась свобода рабов и китайских кули, сражавшихся в рядах мамби, содержались обещания провести либерально-буржуазные реформы, которые затем не были проведены, и объявлялось, что соглашение действительно для всех регионов Кубы.

Несмотря на свою проницательность, испанский военный ошибся в последнем. В восточном районе части мамби под командованием Антонио Масео - генерала-мулата, пользовавшегося в конце войны огромным престижем, - отказались признать договор. В ходе памятной встречи, состоявшейся в марте 1878 года в Мангос-де-Барагуа, они заявили о своей решимости продолжать войну, что сделали несколькими днями спустя, установили новый правительственный аппарат и ввели другую, революционную Конституцию. Хотя они не смогли продержаться из-за хронической нехватки ресурсов и того, что Испания бросила против них ранее дислоцированные здесь войска, они стали примером негибкости, еще раз отказавшись признать колониальную зависимость.

В середине 1878 года завершился первый этап освободительной борьбы кубинцев; он не привел к созданию национального государства, однако был накоплен огромный военно-политический опыт, пригодившийся в будущем. Мало кто из мамби вернулся домой и остался на Кубе, большая их часть переехала за границу, где теперь сосредоточатся усилия, направленные на освобождение Кубы.

Период между войнами

Если пристально анализировать социально-экономическое положение на Кубе в последней четверти XIX века, обращает на себя внимание неоспоримый факт - развитие капитализма, в этот период уверенно продвигавшегося вперед, материализуя уже ранее очевидные элементы. Кубинское общество, следуя мировой традиции, приобретает черты, определившие характер следующего века.

Во второй половине века становится явным процесс концентрации производства. Исчезают малоэффективные сахарные заводы, которые не сумели модернизироваться, уступая место новым заводам - «сентралям». Значительная часть производителей, потерявших свои мелкие заводы, занимаются теперь выращиванием сахарного тростника, чтобы молоть его на чужих предприятиях, что приводит к росту слоя колонов, которые в будущем приобрели большое влияние. Так происходит раздел сахарного производства на сельскохозяйственную и промышленную часть. Кубинский сахарный рынок все больше сосредотачивается в Соединенных Штатах, поскольку в Испании потребление ограничено, - до такой степени, что в 1895 году 85,83% продаж кубинского сахара осуществляется именно в этой северной стране.

Вместе с вышесказанным следует учитывать один определяющий фактор: американские продавцы и импортеры сахара постепенно переставали покупать кубинский рафинированный сахар и начали отдавать предпочтение непереработанному (сахару-сырцу), так что рафинирование сахара на Кубе значительно сократилось, и колония превратилась просто в производителя сырья. Однако Испания, чей внутренний рынок обладал очень скудной покупательной способностью, требовала рафинированный сахар. Главная кубинская отрасль все более подчинялась американскому рынку и его требованиям.

В этот период Соединенные Штаты начали осуществлять на Кубе свои капиталовложения, так что в конце века эта сумма приближалась к пятидесяти миллионам долларов, вложенных главным образом в сахар и горнорудную промышленность. Создание в 1891 году Генри Хэвмейером компании Sugar Trust укрепило цепи растущей зависимости, еще более отдалило Кубу от Испании и в значительной степени способствовало подчинению прежде могущественной кубинской буржуазии.

Убедительным примером, свидетельствующим о слабости кубинской экономики и о ее зависимости, стало то, что экономические круги острова попросили Испанию подписать с Соединенными Штатами договор о торговой взаимности, чтобы гарантировать данный рынок. Мадрид попытался это сделать, но договор так и не был ратифицирован. В 1890 году американское давление на страны полушария, с тем чтобы специализировать их, превратив в производителей сырья, вылилось в билль Мак-Кинли и его следствие – поправку Олдриха, преграждавшие доступ на рынок северной страны тем регионам, которые

не открыли двери для промышленных товаров Севера. Упрямый отказ испанцев не снижать таможенные тарифы на американские продукты привел к возникновению на Кубе Экономического движения – группы производителей и продавцов в защиту своих интересов. Это движение не сумело осуществить все свои задачи, но служит примером иностранной зависимости кубинской экономики.

С развитием капитализма связана проблема рабочей силы: было необходимо отменить рабство. В 1880 году, после сложных консультаций с владельцами, Мадрид издал Закон о патронате, продлевавший рабство на восемь лет, что в конце концов не было выполнено, так как рабство отменили в 1886 году. Только что освобожденные негрыполнили ряды сельскохозяйственного пролетариата, который чрезвычайно вырос. Однако нехватка рабочих рук была постоянной проблемой в кубинском сельском хозяйстве и заставила в новом веке прибегнуть к множеству решений. Отмена рабства в значительной степени способствовала расширению внутреннего рынка.

Под прикрытием свобод, обещанных Мартинесом Кампосом в Санхоне, в 1878 году начался процесс создания политических групп, который завершился образованием двух крупных партий – Партии конституционного единства и Автономистской либеральной партии. Первая, если попытаться ее охарактеризовать, отвечала интересам крупных испанских производителей и негоциантов, которые сумели улучшить свою технологию, хотя в ней было немало кубинцев. Политически непримиримые, сторонники Мадрида, они выступали за «ассимиляцию» Кубы и Испании.

Либеральная партия, состоявшая из более слабых элементов буржуазии и поддерживаемая видными представителями интеллигенции, называла себя

выразительницей национальных интересов, поскольку большинство ее членов были кубинцами. В числе ее крупных деятелей были известные адвокаты, журналисты, историки, экономисты - такие как Хосе Мария Гальвес, Хосе Антонио Кортина, Мигель Фигероа и Рафаэль Монторо. Эти люди отдавали себе отчет в трудности осуществления их политического проекта - автономии, за которую они боролись в течение двух десятилетий. Этот проект, хорошо аргументированный с экономической точки зрения, не решал проблем народных масс, но заключал в себе разумные элементы, чтобы улучшить их положение. В течение определенного времени автономизм обрастал сторонниками, пользуясь ослабеванием индипендентизма; его ораторы - «кабинетные» борцы - усердно вскрывали проблемы, присущие колониальному режиму, но не доходили до того, чтобы настаивать на независимости родины. Скорее они осуждали резкие изменения, и их работа трибунов была направлена на совершенствование существовавшего статус-кво.

Испания не сумела и не захотела воспользоваться тем, что представлял собой автономизм, т.е. отсрочку революции, и всегда поддерживала интегризм, поощряя мошенничество на выборах, подгоняя законы в его пользу и затрудняя ведение пропаганды автономистами, поскольку отстраняла их от участия в правительственном аппарате. Автономизм терял изрядное число адептов в той же мере, в какой восстанавливался индипендентизм, к чему добавлялось разочарование в пристрастной политике Испании. Автономизм даже не сумел добиться в 1893 году введения плана реформ на Кубе. Открывался путь к новому этапу войны за создание национального государства.

По окончании Десятилетней войны индипендентисты не успокаивались и подготовили Малую войну (1879-1880),

не проанализировав объективно причины прежней неудачи. Так, они создали клубы, не организованные горизонтально, с центром в Нью-Йорке, которым руководил Каликсто Гарсиа; на острове вспыхивали импровизированные восстания, не скоординированные ни между собой, ни с центром, и война быстро свернулась из-за отсутствия средств, истощения страны и разногласий между Каликсто Гарсиа и Антонио Масео. Партия автономистов решительно поддержала Испанию, распространяя ложь, будто то была война негров против белых. В октябре 1880 года попытке пришел конец, однако она оставила для будущих битв прекрасное наследие: в ней попробовал свои силы в качестве будущего лидера Национальный герой Кубы Хосе Марти Перес.

Отдельные экспедиции, совершавшиеся в восьмидесятые годы, также не увенчались успехом, они пытались привезти на Кубу неподготовленную революцию, несмотря на усилия некоторых ее организаторов, таких как генералы Карлос Агуэро, Лимбано Санчес и Рамон Леокадио Боначеа. Даже не смог осуществиться лучше всего подготовленный план этого периода, относящийся к 1884-1886 годам и известный как План Гомеса, поскольку возглавил его генерал Максимо Гомес. Индепендентизм еще не изучил с должной глубиной объективные и субъективные факторы, вызывающие революцию, и не понял, что, прежде чем начинать антиколониальную войну, надо добиться эффективного единства в рядах революционеров.

Революция 1895 года

Человеку, не истратившему силы в предыдущих распрях, предстояло стать тем, кто выдвинул в качестве первоочередной задачи достижение единства среди

бойцов, поставил деятельность индипендентистов на новые основы и наделил ее действительно радикальной системой идей. Этот человек, гаванский адвокат Хосе Марти, был сыном испанцев и проживал эмигрантом в Соединенных Штатах после ряда весьма полезных пребываний в Испании, Мексике, Гватемале и Венесуэле. В начале 90-х годов он был самым известным писателем испанского языка и первым журналистом континента.

Новый этап характеризовали два главнейших отличия по сравнению с предыдущими: обоснованный проект экономических и социальных преобразований, который стимулировал бы подлинно национальное развитие, и организационный процесс, длившийся несколько лет. Революционная программа, разработанная Хосе Марти, привела к созданию среди эмигрантов Кубинской революционной партии (КРП), которая была официально провозглашена 10 апреля 1892 года. Опираясь на эту организацию и на свою газету «Патрия», Марти развернул огромную работу, популяризируя перспективные планы социальных изменений на Кубе, и использовал их, чтобы сплотить кубинцев вокруг КРП, главным руководителем – делегатом – которой он стал. Важной вехой в процессе объединения явился сентябрь 1892 года, когда генерал Максимо Гомес согласился командовать военными силами в будущей войне.

Постепенно к программе Марти примыкали важнейшие фигуры, такие как генералы Серафин Санчес, Хосе Рохелио Кастильо, Хосе Масео, Флор Кромбет и конечно Антонио Масео. Концепции Марти не отражали цивилизма в стиле шестидесят восьмого года, он и его проект означали окончательное преодоление стычек между гражданскими лицами и военными, имевших место во время прошлых войн, вкупе с системой идей латиноамериканской

направленности, учитывавших нужды трудящихся масс и тех социальных секторов, которые отстаивали национальные интересы и были способны предотвратить распространение американских амбиций по землям Нашей Америки; кроме того, в его проекте намечалась структура самоуправления.

24 февраля 1895 года стал днем начала антиколониальных восстаний в восточном регионе; в течение нескольких недель ими руководили Гильермо (Гильермон) Монкада и Бартоломе Масо. План операций, задуманный Марти и основанный на одновременном проведении высадок и восстаний, в силу различных причин потерпел неудачу, и, перестроив его, Учитель – так называли Марти его последователи – переехал в Санто-Доминго, где он написал и подписал вместе с Гомесом программный документ, известный как «Манифест Монтекристи». После огромных усилий оба сумели в апреле 1895 года высадиться на Кубе, в Плаита-де-Кахобабо, в Ориенте. Несколькими днями ранее генерал Масео высадился на берегу Дуабы и сразу же взял на себя военное командование восточной провинцией. В самом начале революции скончались по разным причинам генералы Монкада и Кромбет.

5 мая Марти и Гомес встретились с Масео в усадьбе «Ла Мехорана». Делегат и генералиссимус отстаивали общие мнения о революционной гражданской организации, с которыми Масео не был полностью согласен. Несколько дней спустя, 19 мая, Хосе Марти гибнет в бою в районе Дос-Риос; с ним исчезает идеологический лидер антиколониальной борьбы и первый мыслитель Америки. Гомес и Масео с взаимного согласия развернули военные действия во всей провинции Ориенте. Масео выиграл битвы при Хобито, Пералехо и Сао-дель-Индио, а Гомес

переместился в Камагуэй, где при поддержке Сальвадора Сиснероса провел свою знаменитую «круговую кампанию» вокруг города Пуэрто-Принсипе, при этом обучая молодых бойцов. Через несколько недель на юге Лас-Вильяс высадилась большая экспедиция под командованием Серафина Санчеса и Карлоса Ролоффа.

Созванная в сентябре в Химагуаю, провинция Камагуэй, Учредительная ассамблея приняла конституцию, в которой попыталась установить справедливое равновесие между гражданскими и военными властями. Был создан Правительственный совет из шести человек, на который возлагались законодательные и исполнительные функции. Президентом был избран Сальвадор Сиснерос, вице-президентом – Бартоломе Масо. Ассамблея подтвердила на их должностях Гомеса и Масео и назначила Томаса Эстраду Пальму полномочным министром за рубежом – эта должность добавилась к посту, который он уже занимал после смерти Марти, то есть к посту делегата КРП. Вследствие этого Эстрада Пальма получил возможность проводить двойственную политику, что и произошло в очень скором времени.

Следующим шагом была подготовка похода на запад, который начался в Мангос-де-Барагуа. Гомес был главнокомандующим, Масео – его заместителем. Этот поход стал одной из самых блестящих военных кампаний в Америке. Несколько сот плохо вооруженных и голодных мамби столкнулись на географически очень малом пространстве с армией, хорошо оснащенной и обладавшей высокой боеспособностью; всего за три месяца кубинцы прошли более тысячи километров, иногда делая по восемьдесят километров в день. Крупными победами стали Игуара, Маль-Тьемпо, Колисео, Калимете, Ласо-де-ла-Имбасьон. Мамби пришли в провинцию Гавана

в январе 1896 года, и было решено, что Масео завершит кампанию, захватив Пинар-дель-Рио, в то время как Гомес будет отвлекать вражеские войска, выполняя броски в районе Гаваны. 22 января в Мантуа был подписан акт, подтверждавший завершение кампании.

Испания решила применить крайние меры и заменила Мартинеса Кампоса Валериано Вейлером, уже ранее служившим на Кубе. Представитель наиболее ретроградных колониалистических интересов, он издал указ о проведении геноцидной политики, названной «концентрация», заставляя крестьян собираться в городах, чтобы они не могли помогать мамби. «Концентрированные» были лишены самого элементарного, брошены на произвол судьбы, и в 1896-1897 годах количество умерших от голода и болезней достигло чудовищных цифр – по подсчетам, умерло 150-200 тысяч человек. Однако несмотря на это истребление война не прекратилась.

Помимо того, что погибло большое число бойцов и гражданских лиц, революция потеряла в два первые года много видных руководителей, таких как Гильермон Монкада, Флор Кромбет, Франсиско Борреро, Хуан Бруно Саяс, Хосе Мария Агирре, Хосе Масео, Серафин Санчес и исключительного человека – заместителя главнокомандующего Антонио Масео, павшего в Сан-Педро, провинция Гавана, в декабре 1896 года. Потери были чувствительны, однако генералиссимус Максимо Гомес приобрел еще больший авторитет и продолжал руководить военными операциями, не получив значительных ранений.

Революционное единство значительно пошатнулось вследствие разногласий между Правительственным советом и главнокомандующим. Первый, заинтересованный в том, чтобы контролировать офицерство, быстро начал вмешиваться в военные дела, присваивать военные звания

без должного утверждения, допускать торговлю с врагом и в особенности разрешать молоть сахарный тростник в силу обязательств, принятых за рубежом Эстрадой Пальмой. Все это привело к большим трениям с Гомесом, которого гражданские власти обвиняли во «вмешательстве» в жизнь республики. Командир мамби решил отказаться от поста, но смерть Масео – и вместе с ним его адъютанта Франсиско Гомеса, сына генерала, – смягчила напряжение, хотя этими трудными моментами воспользовались элементы из кругов автономистов, чтобы оказывать влияние на внутренние решения революции.

После смерти Масео заместителем главнокомандующего стал Каликсто Гарсиа. Он прославился своими кампаниями на востоке и применением артиллерии. Гомес, решивший вымотать Испанию, разместил свой лагерь в районе Ла-Реформа, между Лас-Вильяс и Камагуэем, и, пользуясь тропической жарой, довел до изнеможения 40 000 испанских солдат, которые безостановочно преследовали его. Через несколько недель его тактика принесла результаты: тысячи испанских солдат были госпитализированы, и Испании нечем было восполнить эти потери.

Чтобы понять весь масштаб революции 1895 года, надо принимать во внимание интерес к Кубе со стороны американских правительств. Чтобы не дать острову попасть в руки англичан, как это ожидалось, Вашингтон предпочитал, чтобы он оставался в руках испанцев. Однако, воспользовавшись международной конъюнктурой, президент Гровер Кливленд с 1896 года начал оказывать давление на Испанию, вынуждая ее закончить войну. Его преемник Уильям Мак-Кинли усилил требования. Выдумывая боевые сводки, желтая пресса подогревала общественное мнение на Севере, используя в свою пользу настроения американцев, симпатизировавших независимости Антильских островов.

Будучи делегатом КРП, Эстрада Пальма пошел на отказ от своих основных принципов и попытался добиться прекращения борьбы путем покупки Кубы Соединенными Штатами или посредством американской военной интервенции. Это спасло бы экономические интересы буржуазии, воспрепятствовав революции, совершаемой массами и несущей большие преобразования. Уступив Вашингтону, Испания инсценировала отмену «концентрации», сменив Вейлера и прислав в 1898 году Рамона Бланко, с тем чтобы он установил видимость автономного правительства, для чего, не без бурных дискуссий в ее рядах, предложила свои услуги Либеральная партия. В тот момент автономия не могла явиться решением кубинских проблем, и мамби весьма энергично отвергли ее.

Корпусы добровольцев, тесно связанные с самыми закоренелыми интегристами, протестуя против автономии, способствовали тому, что американское правительство, «озабоченное» предположительным положением своих граждан в Гаване, направило в кубинскую столицу крейсер «Мэн». В феврале 1898 года судно взорвалось в Гаванской бухте - причем о причинах взрыва споры ведутся еще до сих пор, - что привело к взаимным обвинениям американцев и испанцев. В свете этого события Мак-Кинли попросил у конгресса разрешения объявить войну, хотя сначала попытаться купить остров.

После интенсивного лоббирования, подстегиваемого кубинскими чиновниками, близкими к Эстраде Пальме, сенат и палата представителей приняли 20 апреля Совместную резолюцию, в которой признавалась независимость Кубы и провозглашалось, что Соединенные Штаты после умиротворения передадут остров его народу безо всяких претензий на аннексию. Эта резолюция стала в будущем защитой от аппетитов северного соседа,

но в тот момент она открыла путь к вмешательству в антиколониальную войну кубинского народа.

В силу своих внутренних политических противоречий Испания должна была согласиться на войну с гораздо более сильной страной. Сражения шли с мая по август 1898 года. Побуждаемые национальной гордостью, испанцы предпочитали сдаться скорее американцам, чем кубинцам. И напротив, у северной страны были все возможности, чтобы повернуть войну в свою пользу; так, американская эскадра потопила слабые остатки испанского флота в так называемой морской битве у Сантьяго-де-Куба. Эта битва стала решающей для последующего курса событий и позволила Соединенным Штатам с относительно малыми усилиями установить свое господство над Кубой, Пуэрто-Рико и Филиппинами в Азии.

В соответствии со своей традиционной политикой американцы не признали и игнорировали Правительственный совет и Освободительную армию, чтобы не брать на себя никаких обязательств в будущем. Максимо Гомес был полностью отодвинут на задний план. Однако Правительственный совет во главе с президентом Бартоломе Масо, избранным после принятия Конституции в Ла-Яя в октябре 1897 года, дал указание войскам на востоке страны не покидать театра военных действий и продолжать борьбу вместе с американцами. Таким образом Каликсто Гарсиа стал героем, осуществившим осаду Сантьяго и взявшим этот город – нечто, считавшееся высшим американским командованием невозможным. В качестве награды за столь блестящие действия генералу было нанесено неслыханное оскорбление: бойцам мамби не позволили вступить в Сантьяго – якобы затем, чтобы избежать возможных репрессий. Так началось поспешное Совместной резолюции.

Много вреда причинила кубинцам морская блокада, установленная Вашингтоном, равно как и прекращение огня в августе 1898 года, в результате чего продукты питания, захваченные повстанцами, стали считаться плодом преступного грабежа. Оккупанты, поддерживая более слабых в противоположность более сильным – как указывалось в их инструкциях, – распределяли продукты питания среди испанцев. Кубинские руководители, выполняя положения Конституции в Ла-Яя, распустили Правительственный совет и в октябре созвали выборы, чтобы избрать членов нового органа – Ассамблеи в Санта-Крус, которая уже в 1899 году переместилась в Марианао, а затем в Серро – в то время периферийные районы Гаваны. Находясь в эмиграции, Эстрада Пальма распустил КРП, таким образом столь дорогой Марти орган верховной власти перестал существовать.

Десятого декабря 1898 года в Париже, без присутствия представителей кубинского народа, был подписан договор об окончании войны между Испанией и Соединенными Штатами. Максимо Гомес сказал, что Куба не была еще ни свободной, ни независимой – начинался неясный период в жизни острова. Была очевидна опасность утраты национальной самостоятельности и что еще хуже – аннексии иностранным государством. Конец европейского колониализма не принес создания национального государства. К счастью для себя, народ Кубы вступал в период первой американской оккупации, начавшейся с января 1899 года, обладая огромными боевыми традициями и прочным сводом идей, отстаивавших независимость. Несмотря на вступление в игру могущественных иностранных сил, было очень трудно помешать тому, чтобы Жемчужина Антильских островов стала республикой.

3

Республика и суверенитет

Первая оккупация

Первого января 1899 года на Кубе началась первая американская оккупация. По прошествии четырех веков испанский колониализм покинул территорию самого большого антильского острова, причем не было установлено национального государства и, что еще хуже, неизвестно было точно, какое будущее его ждет. Хотя Совместная революция защищала право кубинцев на полный суверенитет, казалось достаточно трудным, чтобы американское правительство не попыталось извлечь выгод из этой странной ситуации, в особенности если принимать во внимание, в каком положении находились революционные силы. Эти последние, представленные Ассамблеей в Санта-Крус и армией мамби, не могли понять в исторической перспективе требований новой конъюнктуры. И среди патриотов быстро возникли проблемы субъективного характера - явление вполне обычное.

Надо сразу сказать, что Соединенные Штаты в январе 1899 года не имели строго определенной политики в отношении Кубы. В кругах Американского союза сталкивались весьма различные силы, имевшие противоположные мнения. Американские политики, начиная с тех, кто отстаивали колониальный статус, до тех, кто стремился к аннексии, не забывая при этом искренних сторонников независимости - притом что все они защищали свои узкие интересы, - пробовали

различные пути, чтобы установить контроль над островом. Постепенно внутренняя ситуация на Кубе привела к созданию новой американской республики, тесно связанной с родиной Авраама Линкольна.

Первым военным губернатором был Джон Р. Брук, выполнявший свои функции до декабря 1899 года. Не будучи членом самых аннексионистски настроенных групп, Брук окружил себя фигурами, отчасти связанными с революцией, и создал помогавший ему гражданский кабинет из четырех человек. При его правлении начался процесс «американизации» острова, ясным выражением которого стало желание его оздоровить и в особенности построить образование на англосаксонский манер и ввести изучение английского языка. Кроме того, множество молодых людей проходило курсы в школах Соединенных Штатов, чтобы стать дипломированными учителями. Чтобы узнать подлинное демографическое и экономическое положение страны, была проведена перепись, по данным которой население острова составило около 1 572 000 человек, в то же время прилагались усилия по созданию полиции и сельской полиции, и эти корпуса были образованы в следующем году.

С прекращением войны армия мамби оказалась в страшном положении ввиду нехватки ресурсов, в результате чего революционное руководство, не имея твердых планов на будущее, решило распустить ее, с тем чтобы ее члены вернулись в свои дома, главным образом в сельских местностях. Ассамблея в Серро хотела воспользоваться этим положением, чтобы получить американский правительственный заем, что позволило бы ей получить официальное признание. Однако ее депутаты не встретили понимания у главнокомандующего

Максимо Гомеса, кто склонялся к тому, чтобы принять жертвование, предложенное хитрым Мак-Кинли.

Атмосфера в Ассамблее накалилась, и она сместила генералиссимуса, чем разогнала саму себя, поскольку кубинский народ организовал множество актов поддержки, чтобы загладить обиду, нанесенную его главному борцу-патриоту. В начале апреля Ассамблея была вынуждена распуститься, и армия мамби получила в «подарок» три миллиона песо, с тем чтобы пропорционально распределить их между ее членами. Таким образом, отсутствие единства и разумных решений со стороны революционных сил позволило американскому правительству одним ударом покончить с двумя последними репрезентативными органами революции 1895 года. В этих трагичных обстоятельствах кубинский народ оказался обезглавленным.

Очень скоро, в 1899 году, стали возникать политические партийные группировки. Как революционеры, так и круги, не поддерживавшие республику, пытались организовать в преддверии будущих выборов. Появилось много групп, которые в конце концов образовали несколько более сильных организаций, таких как Кубинская национальная партия, Федеральная республиканская партия Гаваны, Федеральная республиканская партия Лас-Вильяс и Демократический союз. Бывшие мамби – несмотря на усилия Гомеса – не сумели преодолеть своих противоречий и создать единую организацию. Эти партии не столько выдвигали противоположные программы, сколько образовывали группы сторонников вокруг нескольких вождей и не представляли, как в других обществах, специфических интересов различных социальных классов острова. И в этом случае индипендентисты еще раз упустили возможность прочно объединиться.

В декабре Брука сменил Леонард Вуд. Намного более агрессивный, чем его предшественник, новый глава оккупантов попытался ускорить аннексию Кубы Соединенными Штатами, однако этому воспротивилось подавляющее большинство населения, которое единогласно высказывалось в пользу установления независимой республики. Это помешало созданию гражданского правительства и доказало Вашингтону необходимость искать формулы, которые, крепко сковывая остров, все же были бы направлены на провозглашение нового государства в Карибском регионе. Поэтому сначала были созваны муниципальные выборы - в которых голосовало очень ограниченное число кубинцев, - а затем, 25 июля 1900 года - всеобщие выборы для избрания делегатов в Учредительную ассамблею. После избрания делегатов эта ассамблея начала заседания 15 ноября и работала до февраля 1901 года. Принятая Конституция была результатом компромисса между представителями и не может считаться выражением самых радикальных индипендентистских чаяний кубинского народа, хотя и опиралась на либеральную законодательную традицию разделения власти на три органа.

Инструкции Вуда, предварительно данные членам Учредительной ассамблеи, подразумевали, что в конституцию должно быть включено положение об особых отношениях между Кубой и Соединенными Штатами. Большинство делегатов сочли такое требование бесосновательным и так и заявили Вуду. Однако правительство северной страны не было намерено допустить полного суверенитета Кубы, в связи с чем сообщило кубинцам, что или они принимают положения, включенные сенатором Орвиллом Платтом в закон об ассигнованиях на американскую армию, или не будет

никакой республики. Эти положения стали известны по имени их автора как Поправка Платта. После немалых препирательств, в ходе которых группы депутатов Учредительной ассамблеи выражали различные позиции в отношении национального суверенитета, в июне 1901 года поправка была принята шестнадцатью голосами за при одиннадцати против.

Поправка в особенности ущемляла кубинский суверенитет своей третьей статьей, где Соединенным Штатам предоставлялось право на вмешательство во внутренние дела Кубы, когда они сочтут это необходимым, и статьей седьмой, где Соединенным Штатам разрешалось иметь на острове морские базы и угольные склады, купленные или арендованные. С момента ее принятия кубинские патриотические силы начали упорную борьбу за ее отмену, продлившуюся два десятилетия.

Двумя кандидатами на пост президента в 1901 году были Томас Эстрада Пальма и Бартоломе Масо. Первый, нерешительных политических убеждений и пользовавшийся благосклонностью Соединенных Штатов, имел за плечами впечатляющее революционное прошлое и опирался на весьма серьезную поддержку. И напротив, Масо, имевший меньше последователей – и несомненно менее харизматический, – был решительным патриотом, противником Поправки Платта. Американское давление в пользу первого заставило сторонников Масо снять его кандидатуру и следовательно принесло победу Эстраде Пальме, что, как уже указывалось, послужило углублению традиционного раскола между индипендентистами.

Таким образом все было готово к тому, чтобы Соединенные Штаты ушли с Кубы, что было сделано лишь после того, как в доказательство своих подлинных намерений они оставили два важных военных приказа

– номер 34 и номер 62, первый из которых открывал путь к проникновению на родину Марти американских железнодорожных компаний, а второй устанавливал границы бывших земель общинного пользования и усадеб, что облегчало их приобретение владельцами из Соединенных Штатов. После того, как будущий суверенитет был существенно подорван Поправкой Платта и был избран первый президент, оккупанты ушли с острова 20 мая 1902 года – это стало официальной датой провозглашения долгожданной Республики Куба.

От Томаса Эстрады Пальмы до Херардо Мачадо

Перед президентом Эстрадой Пальмой и его правительственной командой стояли огромные задачи. С одной стороны, надо было восстановить нацию, разрушенную антиколониальной войной и страдавшую от нищеты, безработицы, неграмотности и испанской инертности, а с другой, надо было мобилизовать патриотические элементы, чтобы добиться как можно большего суверенитета в узких рамках, допущенных Поправкой Платта. Требовалось широкое национальное единство вокруг республиканского проекта, следовало объединить различные и разнородные секторы, составлявшие политическую панораму острова. По сути дела, Эстрада Пальма не был подходящей личностью. Его концепции в отношении целесообразности иностранной опеки Кубы, по крайней мере в первые годы независимости, и его личное неприятие народных масс делали его мало пригодным для руководства нацией в те времена, что быстро стало очевидным.

С другой стороны, буржуазия, существовавшая на Кубе, была не в состоянии играть действительно национальную роль и даже не стремилась к этому, мирясь с пространством, оставленным ей американским капиталом, увеличивавшимся с каждым десятилетием. Зависимый характер кубинской буржуазии, особенно в промышленно-торговой сахарной сфере, являлся огромным тормозом для разработки любого проекта преобразований, когда в республике стали намечаться первые трещины; она представляла собой как бы острие копья в процессе иностранного проникновения, действуя с ним заодно и парализуя усилия более националистически настроенных и динамичных секторов.

Из вышесказанного становится ясной та поспешность, с какой был составлен и подписан в декабре 1902 года Договор о торговой взаимности между Кубой и Соединенными Штатами, ратифицированный в следующем году. Хотя договор и устанавливал для обеих стран снижение таможенных пошлин на двадцать процентов, в значительном числе случаев Куба снижала их до сорока процентов, что демонстрировало всю фальшивость этой взаимности. Гарантировалось производство Кубой сырья для американского рынка, в обмен на то, что можно было приобретать большие количества американских промышленных товаров. Хотя в первый момент договор помог создать новые рабочие места, в среднесрочной перспективе он укрепил монопроизводственный, моноэкспортный, плюриимпортный и монорыночный характер национальной экономики, все более подчинявшейся диктатам Соединенных Штатов. Если в 1900 году сахар составлял 36% всего кубинского экспорта, благодаря договору в 1925 году этот процент дошел до порядка 84%.

Правительство бывшего мамби развернуло большую работу по созданию республиканских учреждений, подписывая договора, которые Вашингтон считал необходимыми. Так один за другим были быстро подписаны Постоянный договор – иными словами, Поправка Платта, теперь утвержденная кубинским правительством, в 1903 году; договор об аренде военно-морских баз и угольных складов, также в 1903 году – позже в него были внесены некоторые изменения, и в 1904 году Договор об острове Пинос, признававший суверенитет Кубы над этим меньшим островом, однако он не был ратифицирован американским правительством до 1925 года. Эти договоры подтверждали соглашения, заключенные во время первой оккупации.

Эстрада Пальма прилагал большие усилия не столько к тому, чтобы ориентировать свое правительство на развитие, в возможных пределах, экономики новой нации, сколько к тому, чтобы максимально экономить скудные государственные ресурсы, надеясь выплатить банковский заем в тридцать пять миллионов долларов, предоставленный ему частным американским капиталом. Естественно, это помешало осуществлению политики, направленной на облегчение серьезных социальных бед, что быстро вызвало недовольство народа деятельностью президента. В то же время политические группы, окружавшие президента, образовали партию, получившую название Партии умеренных, – позже она переименовала себя в Консервативную, – чтобы противостоять уже существовавшей Либеральной партии, предположительно выражавшей чаяния народа. В 1905 году Эстрада Пальма развернул свою предвыборную кампанию, убежденный, что его «патриотический» долг заключается в том, чтобы быть переизбранным на второй срок. Его

главным соперником был Максимо Гомес, к сожалению скончавшийся в июне того же года.

Путем мошенничеств и фальсификаций президент был переизбран, что вызвало чрезвычайное возмущение народа, которое было яростно подавлено. Либералы, возглавляемые генералом Хосе Мигелем Гомесом и Альфредо Саясом, взяли за оружие – это восстание получило название «малой августовской войны» 1906 года. Разумеется, эти действия поставили под угрозу хрупкую республиканскую систему и открыли путь к применению третьей статьи Поправки Платта. Ни ходатайства бывших мамби, ни просьбы уважаемых политиков не убедили президента изменить его позицию. Договорившись с законодательным органом, Эстрада Пальма отказался от поста, а вслед за ним ушли в отставку кабинет министров и председатели обеих палат. Республика осталась обезглавленной, и в сентябре 1906 года правительство Соединенных Штатов приняло решение о начале второй оккупации.

Эта оккупация во многом отличалась от первой; главной отличительной чертой было то, что сейчас Куба уже была Республикой и должна была оставаться ею, как утверждало правительство Соединенных Штатов. Главным действующим лицом этой оккупации, понимаемой как переходный период и продлившейся до 1909 года, был Чарльз Мэгун – адвокат, бывший администратор Панамского канала. Он очень хорошо понимал временный характер своей деятельности и укреплял связи с группами либералов, оттесненными за задний план Эстрадой Пальмой. Чтобы усовершенствовать государственный аппарат, в декабре 1906 года была создана Консультативная комиссия, которой предстояло разработать законы в дополнение Конституции 1901 года, – эта работа выполнялась известными юристами.

Помимо того, в 1907 году была проведена новая перепись населения, согласно которой число жителей в стране повысилось до 2,1 миллиона человек – огромный скачок по сравнению с переписью 1899 года. В Гаване уже насчитывалось 300 000 жителей, и непрерывно увеличивалось число иностранцев – главным образом испанцев, гаитян, ямайцев. Мэгун также занялся созданием постоянной национальной армии, которой еще не было. Наследием его правления, бесцветного в той же мере, в какой бесцветным был он сам, стала растрата денег из государственной казны, накопленных Эстрадой Пальмой, – убытки, по скромным подсчетам, оценивались примерно в одиннадцать миллионов, – и головокружительный рост административной коррупции с предоставлением должностей лицам, не помышлявшим о работе, – политическая практика, родившаяся в колонии и получившая на Кубе наименование «ботелья» – синекура.

Было известно, что либералы как политическая группа, вытесненная в 1905 году умеренными, рассчитывали победить на новых выборах, которые должны были пройти в 1908 году. Хосе Мигель Гомес с Саясом в качестве вице-президента добился значительного перевеса и стал президентом в январе 1909 года – дата, передвинутая вперед, чтобы положить конец второй оккупации. От правительственной команды либералов, куда входили некоторые лица, пользовавшиеся большим патриотическим престижем, ожидалось, что их деятельность будет намного более соответствовать потребностями страны, чем деятельность сторонников Эстрады Пальмы. К этому добавлялась несомненная харизма президента Гомеса – крестьянина, ставшего генерал-майором повстанцев, которого считали подлинным представителем простого

населения. Однако очень скоро Хосе Мигель позаботился о том, чтобы доказать обратное.

Правление либералов, находившихся у власти с 1909 по 1913 год, отличалось совершенно скандальной административной коррупцией. Распоряжаясь Республикой как личной собственностью, Хосе Мигель и его окружение крали и давали красть в огромных размерах, присваивая доходы, которые растущие американские инвестиции приносили государственной казне. Не довольствуясь тем, что они попросили и получили от банка Соединенных Штатов заем в 16,5 миллиона долларов, они превратили мошеннические сделки в самое обычное явление. Примерами таких сделок стал в январе 1910 года обмен участка на территории Арсенала на участок земли в Вильянуэва, на чем нажились некоторые крупные фигуры режима; очистка морского дна в портах – концессия, выданная в феврале 1911 года, которая принесла участникам миллионные суммы, и предположительное осушение Сьенага-де-Сапата в июне 1912 года, порученное некомпетентной американской компании и так и не осуществленное. Эти мошенничества стали публичным достоянием и подверглись ядовитой критике в национальной прессе. Дискредитация либерализма как пути к решению национальных проблем достигла чрезвычайного уровня.

Негры, подвергавшие дискриминации в Республике, попытались организовать в политическую партию, назвавшую себя Независимое объединение цветных. Конгресс быстро принял закон, запрещающий, в числе прочего, создание групп по расовому признаку. Негры, многие из которых были бывшими мамби, пытались оказать давление на правительство, добиваясь легализации своей партии; потерпев неудачу, они совершили ошибку,

подняв восстание в мае 1912 года в надежде найти понимание у их бывшего товарища по оружию Хосе Мигеля. Президент, опасаясь, что его обвинят в слабости, и с постоянной оглядкой на третью статью Поправки Платта, устроил настоящее избиение восставших, которые, будучи почти безоружными, не могли сопротивляться комбинированному натиску армии и сельской полиции. Восстание Независимых стало самой трагической страницей правления либералов. Проводя свою новую «превентивную» политику, Вашингтон высадил отряд морской пехоты в провинции Ориенте – главном очаге восстания.

Не желая способствовать тому, чтобы к власти пришел его вице-президент Саяс – лидер авторитетной группы либералов, - Хосе Мигель помог возвышению консерваторов в лице генерала мамби Марио Гарсиа Менокаля. К последнему очень благоволил Вашингтон, поскольку он прежде был администратором американского сахарного завода «Чапарра». Инженер, получивший образование в Соединенных Штатах, человек элитарных взглядов, деловой и энергичный, любящий англосаксонские обычаи и привычки и заклятый враг любых радикальных изменений – как экономических, так и социальных, Менокаль пришел к власти в 1913 году. Его главным козырем была дискредитация либерализма. Он быстро проявил свои диктаторские наклонности.

Нельзя понять его пребывание у власти с 1913 по 1921 год, т.е. в течение двух президентских сроков, если не учитывать, что в 1914 году разразилась Первая мировая война, продлившаяся ряд лет. Соединенные Штаты сыграли в этой войне важную роль, и Куба была их союзницей, так как Менокаль объявил войну Германии. Сахар превратился в военный продукт первой

необходимости, и остров стал главным его поставщиком для американской экономики. То, что было невозможным для Эстрады Пальмы и для Хосе Мигеля, оказалось возможным для Менокаля, поскольку Соединенным Штатам нужен был во главе Кубы «сильный» человек, готовый выполнять диктаты Американского союза.

По ходу войны спрос на сахар все возрастал, и цены повышались. Поэтому было маловероятно, чтобы Вашингтон препятствовал переизбранию кубинского президента, и Менокаль, вновь выставивший свою кандидатуру в 1916 году, пошел на скандальную подтасовку результатов выборов, чтобы стать победителем и оттеснить своего соперника, Хосе Мигеля Гомеса, надеявшегося еще раз занять президентский пост. Вождь либералов, обратившись к методам, которые принесли ему такие результаты в 1906 году, не имея четкой программы, поднял восстание против Менокаля, поддержанное в феврале 1917 года его сторонниками в разных районах страны; оно стало известно как «Ла Чамбелона» по названию популярной конги, которую распевала вся Куба. Соединенные Штаты дали ясно понять, что не поддержат восстание, и оно стихло само по себе, оставив после себя несколько десятков убитых. Также имела место превентивная высадка нескольких групп морской пехоты. В стремлении избежать проблем на кубинских выборах правительство Соединенных Штатов направило в Гавану своего представителя Эноха Краудера, кто занялся изменением выборного кодекса, сделав его более действенным, и завершил эту работу в августе 1919 года.

При Менокале удалось выполнить давнее требование – ввести национальную валюту, которая начала циркулировать в 1914 году. Он договорился о нескольких займах с американскими банками, в целом на сумму

около пятидесяти миллионов. Также он провел в 1919 году перепись населения, результаты которой, как и предыдущей, показали, что население значительно выросло – теперь на Кубе было округленно 2,9 миллиона жителей. Число иностранцев продолжало увеличиваться наряду с ростом сахарной промышленности и развитием городов – несоразмерным для сельскохозяйственной страны. Гавана, где проживало примерно четыреста тысяч человек, была первым городом в Центральной Америке и Карибском регионе, и ее урбанизация при Менокале шла головокружительным темпом, город заполнился особняками, принадлежащими богачам, нажившимся на производстве сахара. К этому этапу относится любопытный и важный факт: в 1918 году был создан Кубинский женский клуб, что ознаменовало первый шаг в организации женщин и стало предвестием будущих битв.

В качестве жеста сотрудничества со своим воюющим союзником кубинское правительство, невзирая на протесты национальных производителей, согласилось в 1917 году продать Соединенным Штатам всю сахарную сафру целиком по цене, которая хоть и была неплохой – 4,60 цента за фунт – но не соответствовала рыночной. В следующем, 1918 году, ситуация повторилась, хотя закупочная цена повысилась до 5,50 цента. Независимо от сотен миллионов, потерянных Кубой – жест благодарности Менокале за поддержку его переизбрания, – общий объем сафры, который стремительно возрастал (приближаясь к четырем миллионам тонн), обеспечил неслыханный до тех пор национальный доход. Эти суммы оставались в руках сахарной буржуазии и некоторых связанных с ней секторов и не вкладывались в социальные проекты, представлявшие национальный интерес. В своей эйфории, ослепленные

поступлениями от продаж, кубинские богачи пустились в спекуляции, имевшие катастрофические последствия.

Уже в 1919 году конец войн, начало восстановления европейского производства сахарной свеклы и излишки сахара на мировом рынке привели к тому, что Соединенные Штаты либерализовали меры контроля. В предвидении роста потребления и соответствующего повышения цен кубинские производители еще более увеличили производство. Вследствие медленного восстановления Европы котировка резко повысилась до немыслимой цифры в двадцать два цента за фунт, при этом спекулятивное безумие достигло невиданных размеров. Однако очень быстро законы равновесия рынка снизили цены, которые стали падать, пока не стабилизировались, уже в 1920 году, на трех центах. Учитывая торговые операции, совершавшиеся в предыдущий период, крах экономики был катастрофичным.

Чтобы защитить национальный банк, Менокаль объявил в октябре 1920 года мораторий на выплаты. Поскольку этой меры оказалось недостаточно, он решил ее продлить. Но американские банки, уже многочисленные на Кубе, чьи активы находились в их стране, стали оказывать давление, чтобы покончить с мораторием. Кубинское правительство снова уступило, и в январе 1921 года в силу законов Торриенте мораторий был отменен. Массовое банкротство национальных банков, брошенных на произвол судьбы, не заставило себя ждать, и американские банки, не встречая оппозиции, значительно увеличили свое участие в кубинских делах. Так усиливалась иностранная зависимость кубинской экономики, ослабление которой было ясно видно на примере ее главного продукта - сахара.

Разумеется, с экономическим кризисом значительно возросла борьба народных масс. Во всех кубинских

провинциях происходили забастовки, которые, поскольку еще не существовало организации на национальном уровне, являлись отраслевыми, хотя с каждым разом усиливались попытки установить связи между различными секторами трудящихся. Наиболее значительными группами были железнодорожники, рабочие-сахарники, типографы, моряки, работники портов и табачники, но идеологически они еще находились под большим влиянием анархистов и реформистов. Однако в ту эпоху было сделано два важных шага: создание Социалистического объединения Гаваны в 1918 году и Рабочей федерации Гаваны в 1920 году.

Когда правление Менокаля подходило к концу, он решил поддержать Альфредо Саяса, который отошел от либерализма и в целях осуществления своих давнишних надежд на президентский пост и в ущерб его собственной Консервативной партии образовал малочисленную партию, названную Национальной, куда, как метко говорил народ, вошло два с половиной человека. При поддержке президента Саяс победил своего соперника, кем снова был Хосе Мигель Гомес. Уходящий президент сделал новому подарок, достойный Макиавелли: попросил Соединенные Штаты снова прислать на Кубу Эноха Краудера - как чтобы предложить меры по оздоровлению правительственного аппарата, так и чтобы «контролировать» Саяса, пользовавшегося славой крайне неумелого администратора. Американец прибыл в январе 1921 года, и его деятельность чрезвычайно усложнила первый год правления нового президента.

Однако Саяс не мог жаловаться: после очень долгого ожидания он наконец пришел к власти. В его руках была страна, чья экономика переживала серьезный кризис; быстро растущее население было не в силах

удовлетворить свои огромные нужды, и уже слышалось глухое недовольство поднимавшегося нового поколения, не связанного с крупными деятелями периода мамби, которое чувствовало, что очевидный крах республиканских структур следовало решить раз и навсегда самым радикальным образом.

Период правления Саяса (1921-1925) унаследовал наихудшие республиканские беды. В разгар кризиса, вызванного падением цен на сахар, стабилизировать национальную жизнь означало бы переосмыслить отношения с Соединенными Штатами, решительно освободившись от зависимости. Подобное решение было бы невозможно осуществить по воле правительства, даже если допустить – нечто невероятное, – что новому правителю это пришло бы в голову. Наоборот, Саяс пытался смириться с пребыванием Краудера, надеясь получить вожделенный заем. Американский проконсул, стремясь повысить нравственность кубинской администрации, вмешивался в деятельность всех министерств, как «советуя» им, так и навязывая решения, и даже участвовал в отборе членов «кабинета честности», как его окрестили в насмешку. Краудер дошел до того, что регулярно посылал самому президенту указания, которые называл меморандумы. Такое вмешательство в дела кубинского правительства яростно критиковалось прессой, но президент терпел это до тех пор, пока не получил заем примерно в сорок восемь миллионов.

Мало пользы принесли Краудеру его труды, так как правительство Саяса, периодически подвергаясь острейшей критике ввиду развала дел в республике, проворачивало крупномасштабные мошеннические сделки, как та, что была связана с законом Тарафы, или законом о малых портах, чрезвычайно выгодном для многих американских

сахарных компаний, или знаменитая покупка монастыря Санта-Клара – типичное мошенничество в стиле либерализма. Если к дискредитации, вызванной этими сделками, добавить тот факт, что Соединенные Штаты повысили таможенные пошлины на кубинский сахар с 1,60 цента до 1,76 цента в 1922 году в силу пошлины Фордни, можно понять, что по прошествии двадцати лет республиканских бесчестностей новое поколение стремилось покончить сначала с коррупцией и мошенничествами, а затем, по мере того, как крепло осознание положения дел в стране, с экономической и политической зависимостью от Соединенных Штатов.

Этим объясняется взрыв социальных движений, отмечающихся в четыре года правления Саяса. Студенты, интеллигенция, женщины, рабочие организуются и поднимаются на борьбу за совершенствование республики. У каждой из этих групп есть свои проекты, свой взгляд на национальную действительность. В разгар борьбы самые способные лидеры – а на этом этапе внезапно появляется значительное число таких руководителей – приходят к осознанию того, как важно единство, уже не вокруг определенного проекта одного сектора, а для того, чтобы добиться подлинного суверенитета, как политического, так и экономического. Вместе с тем, неразрывно связанное с вышесказанным, рождается понимание той подлинной роли, какую играли в бедах республики Соединенные Штаты.

Борьба за университетскую реформу, вспыхнувшая в то время в Кордове, Аргентина, получила большой отклик на Кубе, и студенты Гаванского университета – единственного, существовавшего в стране, – начали активные действия за улучшение учебных планов, изгнание некомпетентных профессоров и приспешников режима и участие в

правлении университетом. В ходе этой борьбы в декабре 1922 года возникла Федерация университетских студентов (ФУС), сыгравшая огромную роль в истории Кубы. Ее главный вдохновитель Хулио Антонио Мелья стал самым крупным кубинским лидером того периода. В результате дебатов в студенческой среде в октябре 1923 года был проведен Первый Революционный национальный конгресс студентов. ФУС стала инициатором создания в ноябре того же года Народного университета «Хосе Марти» - символическое название, - в котором бесплатно занимались сотни рабочих и бедных служащих.

В марте 1923 года на политическую арену вышла молодая высокосоциальная интеллигенция, выступив с так называемым Протестом тринадцати, где публично обличала царящую коррупцию и мошенничество, совершенное правительством Саяса с покупкой монастыря Санта-Клара и его последующей подстроеной продажей. Самым видным представителем этой части интеллигенции, позже организовавшейся в так называемую «Группу минористов», был Рубен Мартинес Вильена. Более опытные представители интеллигенции, возглавляемые Фернандо Ортисом, в апреле того же 1923 года вошли в Хунту национального обновления, стремившуюся реформировать жизнь страны. В свою очередь, борьба женщин позволила провести в апреле Первый национальный съезд женщин, на котором были сделаны первые шаги, чтобы объединить специфические проблемы этой части населения с коллективными проблемами нации.

В 1923-1924 годах борцы войн за независимость вместе с некоторыми видными патриотическими фигурами образовали Ассоциацию ветеранов и патриотов, чьи реформистские идеи питались разочарованиями, испытываемыми бывшими мамби. Эта группа организовала

Движение ветеранов и патриотов, планировавшее поднять восстания, чтобы изменить существующую действительность. В этом они опирались на поддержку решительно настроенной молодежи, в том числе Мартинеса Вильены. Восстание, происшедшее в апреле 1924 года, было типичной республиканской комедией, и его руководитель, полковник Федерико Ларедо Бру, позволил Саясу «убедить его материально», с тем чтобы выйти из борьбы. Движение послужило большим уроком для молодых кубинцев, оно научило их в будущем избегать альянсов с коррумпированными политиками прежнего поколения.

Намного большую важность и влияние имели события, связанные с рабочим движением. Забастовки рабочих, усилившиеся при Саясе, и приобретенный опыт поставили перед рабочими вопрос о создании объединенного рабочего профцентра. После немалых дискуссий и колебаний в феврале 1925 года возникла Национальная конфедерация рабочих Кубы (КНОК), объединившая в своих рядах тысячи трудящихся. Организационный процесс, шедший в тот период, завершился образованием в августе 1925 года Коммунистической партии Кубы, в чем видную роль сыграл Хулио Антонио Мелья. В третье республиканское десятилетие идейно-политические организации рабочих, мелкой буржуазии и патриотически настроенной интеллигенции сделали значительный шаг вперед в целях изменения в будущем существовавшего статус-кво.

Конечно, как кубинская олигархия, так и стоящий у власти политический класс, равно как и американское правительство поняли, что надо действовать, дабы избежать больших бед. Для этого был необходим новый президент, который, в отличие от Саяса, был бы человеком

«очень твердой руки», способным расправиться с борцами-националистами. Наилучшим вариантом стал бывший генерал 1895 года Херардо Мачадо-и-Моралес, видный деятель либерализма, уже известный своими репрессивными действиями в различные исторические моменты. Американский капитал добился выдвижения его кандидатуры, оттеснив на задний план других кандидатов-либералов. Его правление, начатое 20 мая 1925 года, превратилось в самую жестокую диктатуру первой половины XX века на Кубе.

Обязательное десятилетие

Почти через двадцать пять лет после установления Республики ее огромные экономические проблемы, правительственные язвы и обострение социальных бедствий требовали от новой пришедшей к власти команды особого внимания. Кубинское население, составлявшее в 1931 году, согласно проведенной переписи, 3,96 миллиона человек, нуждалось в глубоких преобразованиях. Однако любые перемены, если проводить их достойно, в Республике, где в 1928 году общий размер американских инвестиций достигал невероятной цифры 1,5 миллиарда долларов, во многих аспектах изменили бы ситуацию зависимости от северной страны, чего последняя не допустила бы. Поэтому Мачадо вознамерился в узких возможных для него рамках продвинуть осуществление еще не виданной ранее экономической программы. Опираясь на прекрасные отношения с Вашингтоном и рассчитывая на небольшое восстановление сахарной промышленности, наметившееся с 1923 года, он попытался внести кое-какие изменения в экономику.

Его программа не могла принести значительных результатов. Ограничение сафры с тем, чтобы попытаться уравновесить предложение и цены, привело лишь к сокращению кубинского участия в мировом масштабе, поскольку другие производители не снизили производства. Также не дал результатов дорогостоящий план общественных работ, предусматривавший завершить строительство Национального Капитолия, сделать университетскую лестницу, протянуть дальше гаванскую набережную и в особенности проложить Центральное шоссе. В течение какого-то времени это помогло облегчить безработицу; в обмен на это Мачадо запросил у американских банков займы на большую сумму, чем все предыдущие президенты вместе. Таможенная реформа 1927 года - самый амбиционный из его проектов - также не выполнила поставленные перед ней задачи, поскольку повышение таможенных пошлин на иностранные продукты для стимулирования внутреннего производства не могло нарушать положения Договора о взаимности в торговле от 1902 года. Реформы Мачадо не принесли ожидаемых плодов, поскольку не пытались покончить с зависимостью от Соединенных Штатов, и слабость его концепций породила оппозицию среди патриотических секторов кубинского общества.

В начале своего правления Мачадо опирался на соответствующую поддержку олигархических кругов и политических групп, что позволило ему продвинуть идею «кооперативизма»: избежать республиканских бед благодаря политической поддержке буржуазии. В этом контексте в 1925 году был издан Закон о чрезвычайных выборах. Правительство быстро создавало ситуацию, благоприятную для продления президентских полномочий, и начало кампанию в целях перевыборов

президента, что лишило его относительной поддержки, которой оно пользовалось ранее.

Однако традиционные политики так и не сумели создать общий фронт борьбы против возникавшей диктатуры, поскольку их интересы не шли дальше того, чтобы сместить Мачадо и захватить власть. Средние слои, в особенности студенты, выступая против Мачадо, действовали гораздо решительнее. Хулио Антонио Мелья, исключенный из университета в 1925 году, провел голодовку, всколыхнувшую различные круги общества. Эмигрировавший в Мексику, превратившись в революционного лидера континентального масштаба, Мелья был убит агентами диктатуры в 1929 году. Двумя годами ранее, в 1927 году, в гаванском университете был создан Университетский студенческий директорат (УСД), возглавивший борьбу против продления полномочий, но он просуществовал недолго.

Параллельно с нарушениями, совершаемыми правительством, начиная с 1930 года учащались забастовки, а также протесты студентов и мелкой и средней буржуазии. Этот год может считаться годом резкого усиления народной борьбы. Однако следует принимать во внимание, что ни у олигархии, ни у народных масс не было последовательной, четкой программы. Акции ограничивались выступлениями в рамках определенных секторов, не сливаясь в единое движение. Карлос Мендиета-и-Монтефур, отколовшись от либерализма и следуя правилам традиционной политики, создал Националистический союз. Студенты образовали в 1930 году Университетский студенческий директорат, намного более сильный, чем предыдущий, от которого в 1931 году откололось Левое студенческое крыло, поддерживавшее связи с Коммунистической партией. Очень существенным было образование в 1931 году группы

«АБЦ», сформированной в основном из средних слоев, с особой внутренней структурой, однако ее программа не затрагивала отношений иностранной зависимости.

30 сентября 1930 года в ходе массовой манифестации, на подавление которой были брошены силы режима, несколько человек было ранено, и погиб студенческий руководитель Рафаэль Трехо, в результате чего борьба студентов ужесточилась. Этого не произошло с традиционными политическими группами, возглавляемыми Менокалем и Мендиетой, которые в августе 1931 года попытались поднять восстание в Рио-Верде, быстро подавленное войсками Мачадо. Их попытка доказала неспособность старых политиков руководить настоящей борьбой и подчеркнула роль студенческих и рабочих выступлений в свержении тирании.

Критическая ситуация, сложившаяся в мировой экономике и ясно заметная с 1929 года, в значительной степени отразилась на Кубе. В области сахарной промышленности ничто не могло помешать тому, что в начале 30-х годов цены колебались между 0,71 и 0,97 цента. Общее производство сахара на острове снизилось с 5,1 миллиона тонн в 1929 году до 2 миллионов в 1933-м. Ни План Чэдборна в 1930 году, ни сильные ограничения, взятые на себя Кубой в рамках Международного сахарного соглашения 1931 года, не помогли стабилизировать сахарный кризис. А в довершение всего Соединенные Штаты ввели в 1930 году новый тариф – тариф Холи-Смута, который повышал таможенную пошлину на кубинский сахар до 2 центов за фунт. Все эти факторы, наряду с другими более общими экономическими причинами, привели к тому, что Куба, поставлявшая в США в 1929 году до 52% от общего потребления сахара в этой стране, в 1933 году сократила свое участие до 25%; это вызвало

значительный рост безработицы на Кубе и большое сокращение дней сафры. Суровый экономический кризис, с которым столкнулся Мачадо, и репрессии, проводимые диктатором, чтобы заставить население смириться с этим кризисом, во многом способствовали усилению народной оппозиции его правительству.

В свете кубинских проблем Соединенные Штаты решили направить в Гавану в марте 1933 года нового посла Бенджамина Самнера Уэллеса, чтобы примирить между собой различные секторы населения и разрешить кризис «сверху». Деятельность Уэллеса, известная как «посредничество», была направлена на достижение консенсуса между политическими группами, которые в своем большинстве пошли на сотрудничество с американским чиновником. Университетский студенческий директорат и коммунисты не были в их числе. Уэллес не сумел понять, что положение в стране достигло такой степени взрывоопасности, что традиционный политический класс уже не контролировал ситуацию, к чему добавлялось упрямство Мачадо, не желавшего отказываться от власти. Гигантская волна забастовок, прокатившаяся по всей стране, привела 12 августа 1933 года к падению диктатора, который бежал с Кубы.

Чтобы сохранить мачадизм без Мачадо, временным президентом был назначен бесцветный политик, носивший громкое имя Карлос Мануэль де Сеспедес. Однако, воспользовавшись тем, что в некоторых казармах недовольные солдаты и нижние чины устроили заговор – так называемый «заговор сержантов», – студенчество и средние слои 4 сентября сместили Сеспедеса, и во главе страны встало необычное правительство из пяти человек, соответственно получившее название Пентархия. Участие

сержантов в этом перевороте ознаменовалось появлением в национальной истории фигуры Фульхенсио Батисты.

Это правительство, столь чуждое объективным потребностям того времени, вряд ли могло устоять, так что Пентархия исчезла 10 сентября, уступив место так называемому Стодневному правительству – по времени его существования, на самом деле оно продержалось чуть дольше. Во главе этого правительства – наивысшего выражения революции 30-го года, – стал профессор Рамон Грау Сан-Мартин, который в течение многих лет активно участвовал в политической жизни страны.

Подлинным вдохновителем этого правительства был министр, имевший портфели министра внутренних дел, военного и военно-морского министра, – Антонио Гитерас Холмс, самая яркая личность этого периода, радикальный антиимпериалист. Гитерас представлял в правительстве передовое патриотически-революционное направление, в то время как Грау характеризовался своим умеренным реформизмом, а Батиста, быстро ставший полковником и командующим вооруженными силами, был выразителем консервативно-реакционного направления и уже теснейшим образом был связан с американским посольством. Такое распределение сил объясняет тот факт, что правительство, несмотря на усилия Гитераса, не смогло осуществить общую антиимпериалистическую программу, подразумевавшую радикальные изменения, и столкнулось с растущими силами олигархической реакции, почти не получая поддержки со стороны других секторов общества, таких как коммунисты.

Во время своего короткого пребывания у власти правительство Грау под давлением радикального сектора, возглавляемого Гитерасом, провело ряд мер в пользу трудящихся. Был введен восьмичасовой рабочий день;

принят закон, по которому 50% работников предприятия должны были быть кубинцами; была снижена оплата за потребление электроэнергии и газа; было предоставлено право голоса женщинам, и была национализирована так называемая Кубинская электрическая компания - все это усилило буржуазную оппозицию, притом что это правительство не было официально признано Вашингтоном. Поляризация обычных групп нашла свое отражение в октябре 1933 года в так называемой битве в отеле «Националь» - величественном здании на набережной, где укрылись поднявшие мятеж бывшие офицеры, уволенные из армии. Это свидетельство социального кризиса страны было очень умело использовано Батистой, ставшего неким вооруженным крылом американского посольства - во главе которого стоял теперь Джефферсон Кэффери, - чтобы объединить традиционных политиков, встревоженных путем, по которому шло правительство. Хотя Гитерас обличил перед Грау антинациональные действия Батисты, президент не принял мер, чтобы его сместить.

В подобной ситуации нет ничего удивительного, что 15 января 1934 года происходит контрреволюционный переворот, покончивший с Революционным правительством, как оно себя называло. Сговорившись между собой, традиционная реакция, американское посольство и Батиста поставили у власти полковника мамби Карлоса Мендиенту - простую марионетку в руках этих кругов, так что это правление, продлившееся до конца 1935 года, получило наименование правительство Кэффери-Батисты-Мендиеты. Оно явилось завершением шедшего по нарастающей революционного цикла, поскольку к власти вернулась зависимая от США национальная олигархия. Гитерас был вынужден уйти в подполье и создал в 1934 году

организацию нового типа, «Молодая Куба», готовившую планы восстания. В свою очередь, реформисты образовали Кубинскую революционную партию («аутентики»), которая быстро перешла под руководство Грау.

Чтобы продемонстрировать свою поддержку в новой ситуации, американский президент сразу же признал Мендиету, чье правительство приняло в феврале Конституционный закон, далекий от интересов народа. В том же 1934 году, в мае, был подписан новый Договор о торговой взаимности, который хотя и снижал таможенные тарифы на некоторые национальные продукты, вынуждал Кубу в ряде случаев пойти на уступки до 60%, так что экономическая зависимость возрастала. Группа американских специалистов под эгидой Foreign Policy Association провела исследование кубинской действительности и внесла предложение о введении умеренных изменений в экономику, которые были опубликованы в 1935 году под наименованием «Проблемы Новой Кубы». Национальный сахарный кризис не был решен; в 1934 году Вашингтон ввел систему квот для поставок сахара на внутренний рынок, и установленная кубинская квота составляла едва ли 29,4% американского потребления – намного ниже того, что было нужно Кубе. В силу этого закона – закона Костигэна-Джонса – ситуация в стране в сфере сахарного производства стабилизируется на очень низком уровне, без реальных возможностей роста на своем главном и почти единственном рынке.

Наряду с договором Вашингтон сделал Мендиете большое одолжение: в том же мае была отменена Поправка Платта, просуществовавшая более тридцати лет, в которой не было никакой необходимости ввиду кубинской зависимости от Соединенных Штатов. Ни новый договор, ни отмена поправки к Конституции уже не

могли подавить забастовки и народные манифестации, так как массы не отказывались от своих надежд на подлинные социально-экономические преобразования. Рассеянные революционные группы, которым не хватало необходимого единства, организовали в марте 1935 года всеобщую забастовку, не изжив предварительно укоренившегося субъективизма. Забастовку удалось начать, однако она была жестоко подавлена Фульхенсио Батистой. За ее провал несли немалую ответственность «аутентики» и «АБЦ». Согласно некоторым исследованиям, забастовка была последним большим революционным актом тридцатых годов. Другие считают, что завершением народных битв стало убийство Гитераса в Эль-Моррильо в мае. Как бы то ни было, революции 30-года уже пришел конец.

4

Преддверие и начало Революции

Борьба вокруг Конституции

Шаткое политическое равновесие, которого добились олигархические группы, позволило перегруппировать силы накануне президентских выборов, созванных на январь 1936 года. Мендиета должен был уйти с поста: он вызывал недоверие и не мог возглавить предвыборную кампанию. В результате выборов, проведенных под руководством бесцветных личностей, президентом стал Мигель Мариано Гомес – сын экс-президента Хосе Мигеля Гомеса, типичный представитель изжившего себя политического класса, неспособного реорганизовать общество в состоянии кризиса. В мае новый правитель возложил на себя трудную задачу вести и направлять кубинский народ.

В течение 1936-1939 годов Батиста укрепляет свою роль крупного военного деятеля. Присвоение офицерских званий многим его приспешникам, предоставление льгот военным и его несомненный командирский талант превратили его в бесспорного руководителя в сфере вооруженных сил. Новый президент Мигель Мариано не сумел оценить этот фактор и, веря, что население поддерживает его, вступил в конфликт с бывшим сержантом. Повод для трений был совершенно незначительным, хотя по сути дела на карту был поставлен контроль над армией и страной. Батиста с согласия американского посольства добился абсолютно невероятного: в декабре 1936 года сенат сместил президента. В остающийся период правления во главе государства стоял вице-президент Федерико Ларедо Бру.

Критическое положение экономики побудило Батисту в 1937 году заставить принять так называемый Закон о координации в сахарном производстве, который мало что мог сделать для увеличения выпуска продукта, расцениваемого на мировом рынке как продукт высокого риска; в этом же году глава армии объявил о введении дорогостоящего Трехлетнего плана, заброшенного вскоре после этого, целью которого было в сущности предоставление новых льгот военным. Начиная с этого периода в кубинской экономике, ввиду политической нестабильности и истощения сахарной промышленности, начинается свертывание американских инвестиций, которые перенаправляются на более рентабельные страны и районы.

Период правления Ларедо Бру стал этапом немалых усилий по созданию новой Конституции, в которую были бы на законных основаниях включены главные требования борьбы против Мачадо. Помимо того, международная ситуация, характеризуемая подъемом в Европе немецкого нацизма в союзе с фашизмом Муссолини и практически подготовкой Второй мировой войны, побуждала прогрессивные силы к активной работе по поддержке угнетенных наций, и важным примером этого стала помощь Испанской республике, в которой значительную роль сыграл кубинский журналист и писатель Пабло де ла Торрьенте Брау. Поведение правительства Соединенных Штатов, проводившего так называемую политику «добраго соседа» и осуждавшего военные режимы с поползновениями на диктатуру, заставило Батисту, пристально следившего за настроениями Вашингтона, попытаться изменить свой имидж свирепого солдафона; он отошел от армии и начал делать заявления демократического характера. В связи с этим он поддержал

созыв Учредительного собрания и еще ранее меры, вводившие новые субъекты в гражданское общество.

В числе таких распоряжений было два, имевших особое значение для будущего нации. В 1938 году он разрешил легализацию всех партий, включая Коммунистическую, которая смогла реорганизоваться под именем Коммунистического революционного союза и таким образом участвовать в приближавшемся учредительном процессе. В январе 1939 года, в унисон с тем, что происходило в Латинской Америке, была создана Конфедерация трудящихся Кубы (КТК), тесно связанная с этой партией и ставшая осуществлением старой мечты о единой национальной рабочей организации.

После предварительного процесса избрания восьмидесяти одного делегата в феврале 1940 года начало свою работу Учредительное собрание. Перегруппировка политических сил в преддверии столь важного события принесла победу оппозиционному блоку, в котором выделились «аутентики». Кубинские прогрессивные силы приложили большие усилия к тому, чтобы в новой конституции были отражены нужды населения, однако правое крыло собрания путем достаточно ловких маневров сумело ограничить немало народных требований. Не без серьезных задержек в работе Учредительное собрание приняло Конституцию первого июля того же года.

Как уже было сказано, текст Конституции не отразил всех чаяний революции тридцатых годов, однако нельзя отрицать, что в целом она носила прогрессивный характер, идя намного дальше Конституции 1901 года, и некоторые ее положения выходили за рамки буржуазной «демократии», обычной на Кубе; так например она вводила право на бесплатное образование и в особенности запрещала латифундии – что было трудно осуществить в ситуации

Кубы, но тем не менее являлось крайне важным. Поскольку большая часть заседаний Собрания передавалась по радио, народ смог узнать, кто и как отстаивал интересы народа. Уже после подписания Конституции в результате президентских выборов к власти пришел Фульхенсио Батиста – будучи теперь президентом, он должен был править в период 1940-1944 годов.

Период его правления характеризовался вступлением Кубы в мировую войну и сотрудничеством с американским правительством в качестве младшего союзника. Так же, как происходило и в предыдущую мировую войну, Соединенные Штаты использовали сахар как особо важный военный продукт, для чего отменили систему квот. Поэтому в период с 1942 по 1947 год Куба продавала этой стране все сафры целиком. Общий объем сафр вырос с 2,8 миллиона тонн в 1939 году до 4,3 миллиона тонн в 1944 году. Такое увеличение объема и соответствующее удлинение сафры, в сочетании с другими факторами, привело к тому, что в период правления Батисты количество забастовок снизилось; этому также способствовало то, что партия коммунистов поддерживала правительство, объявившее войну фашистским державам и признавшее Союз Советских Социалистических Республик.

Национальная перепись, проведенная в 1943 году, показала, что население приблизилось к 4,9 миллиона человек, из которых почти миллион проживал в Гаване и ее окрестностях. Огромное увеличение сообщений, прежде всего воздушных, с Соединенными Штатами и отношения зависимости стимулировали распространение на Кубе образа жизни и обычаев среднего американца, одним из примеров чего было открытие универмагов.

Как того ни требовали и как за то ни боролись народные массы, не удалось разработать дополнительные

законы к Конституции 1940 года, без чего ее положения не имели реальной силы. Батиста не приложил усилий к принятию столь важных мер, которые явно затрагивали интересы олигархии на Кубе и тем более не могли быть приоритетными для правительства, когда надо было любыми способами обеспечить сахарное производство, какого требовали воюющие Соединенные Штаты. Этот период правления быстро уступил место правлению Рамона Грау Сан-Мартина - главного представителя Партии «аутентиков» и хорошо известного действующего лица в сфере национальной политики.

«Аутентики» у власти

Кубинская революционная партия («аутентики») находилась у власти два периода подряд - с 1944 по 1948 годы при Рамоне Грау Сан-Мартине и с 1948 по 1952 годы при Карлосе Прио Сокаррасе. Ни одна другая правящая группа в национальной истории не сумела пробудить таких надежд и не пользовалась такими симпатиями масс. Реформистская программа «аутентиков», несмотря на ее очень ограниченные рамки, поддерживалась сотнями тысяч кубинцев, веривших, что наконец произойдет «подлинная революция», которая преобразит жизнь страны.

Глава правительства отнюдь не стоял на высоте народных требований и вовсе не стремился к этому, и его полное неприятие других организаций, в особенности коммунистов, заставляло его отвергать союзы между партиями. Его правление стало прекрасным примером того, как можно предоставлять всему идти своим чередом и как подавлять борьбу трудящихся. Прио в начале

своего правления попытался создать имидж серьезного президента, проведя некоторые незначительные изменения, но очень скоро контроль в стране перешел в руки группировок бандитов и гангстеров той эпохи. Реформизм «аутентиков» быстро доказал свою неспособность изменить статус-кво на острове.

Приходу Грау к власти сопутствовало немало благоприятных обстоятельств, вытекавших из международной конъюнктуры. Мировая война подходила к концу, но Соединенные Штаты еще покупали целиком все кубинские сафры, так что национальный доход был относительно стабилен, и это позволило вернуть себе рынок северной страны, поставляя почти 40% потребляемого ею сахара. Куба стала страной-основателем Организации Объединенных Наций - сцены, где правительство «аутентиков» смогло продемонстрировать определенную собственную позицию, улучшавшую международный имидж кубинской политики. Хотя рамки только что созданного Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ) ограничивали возможности широкой реорганизации экономики, подписание в 1947 году частного (эксклюзивного) соглашения с Соединенными Штатами явилось стимулом для производства некоторых сельскохозяйственных культур внутри страны.

Во время правления Батисты было достигнуто устойчивое сотрудничество между президентом и коммунистами, до такой степени, что некоторые руководители партии вошли в президентский кабинет. И напротив, Грау, используя растущую напряженность между Москвой и Вашингтоном вместе с усилением «холодной войны», начал проводить политику маргинализации членов партии, которая с 1944 года стала именоваться Народно-социалистической партией

(НСП). Предварительно новый президент попытался ликвидировать влияние Бастисты в армии, смещая близких ему командиров и заменяя их своими сторонниками; полученный результат был весьма относителен, но это позволило Грау распоряжаться военными, заставляя их упорно преследовать всех борцов за улучшение социального положения. Осуществляя такую политику, приспешники правительства добились, что на V съезде КТК, проведенном в 1947 году, было покончено с влиянием коммунистов в этой организации, которая превратилась в еще одно орудие власти «аутентиков».

Только что созданная Группа подавления подрывной деятельности преследовала и контролировала рабочих руководителей, остававшихся верными первоначальной КТК. Проявлением боевых традиций рабочих-сахарников стали в годы правления Грау битвы за выплату сахарного дифференциала, то есть пропорционального увеличения заработной платы рабочим из части, которая должна была им причитаться в связи с повышением цены на сахар. Рабочие добились удовлетворения этого требования благодаря энергии их лидера Хесуса Менендеса, однако это стоило ему жизни – он был безнаказанно застрелен армейским офицером в январе 1948 года. В том же году был принят новый закон об экспортных квотах на американский рынок, предоставлявший Кубе 28,6%, что было намного ниже экспорта предыдущего пятилетия и совершенно недостаточно в свете потребностей страны.

Прежде чем уйти с поста, Грау вынужден был столкнуться с самым важным событием в годы его правления – расколом «аутентизма». Вследствие его неспособности удовлетворить народные требования и реорганизовать жизнь Республики в 1947 году один из его самых близких сотрудников Эдуардо Чибас создал новую

организацию - Партию кубинского народа («ортодоксы») с реформистской программой более радикального свойства, чем программа «аутентиков». Упор на повышение нравственности в сфере государственного управления и пересмотр республиканской этики наряду с ораторским талантом Чибаса обеспечили новой партии огромную поддержку кубинцев, надеявшихся на улучшение своего социально-экономического положения. С конца сороковых годов «ортодоксы» превратились в главную политическую силу на острове.

Карлос Прио начал свое четырехлетнее правление в 1948 году, при нем продолжилась уже явная дискредитация Партии «аутентиков» - результат неспособности его предшественника. Потому вначале он пытался улучшить имидж своей организации - наравне с его собственным. Он заявил, что проведет в жизнь законы, дополняющие Конституцию 1940 года, которые еще не были приняты, хотя некоторые уже действовали, как например закон, нормировавший функционирование провинций и муниципий. В то же время он заявил, что его правительство будет сражаться с привычной коррупцией, проводя политику республиканских «новых путей». В ее рамках были приняты во внимание некоторые предложения комиссии Международного банка реконструкции и развития (МБРР), которая в 1950 году изучила сложную национальную ситуацию и опубликовала свои выводы под названием Доклада Траслоу. Такой политике отвечало открытие Банка сельскохозяйственного и промышленного развития (БАНФАИК), однако ее результаты на деле не были ощутимы в жизни страны.

Было невозможно осуществлять эффективный контроль над административной коррупцией на Кубе, когда само правительство, вступая в позорные альянсы,

содействовало этическому разложению республики. Бандиты, гангстеры, воры едва ли не составляли основную часть правительственной команды, что делало Гавану городом, где жить было небезопасно. Убийства и сведение счетов между различными группами стали обычным делом в жизни столицы, однако Прио и его правительство не делали ничего, чтобы исправить это страшное положение. Скорее наоборот, министры кабинета Прио первыми запускали руки в государственную казну, и их связи с бандами гангстеров были известны абсолютно всем.

Этим объясняется огромная популярность лидера «ортодоксов» Чибаса, который в своей постоянной радиопрограмме критиковал и обличал коррупцию режима, не боясь называть имена и фамилии продажных чиновников. Его самоубийство в августе 1951 года – решение, которое он принял, не сумев доказать одного из выдвинутых им обвинений, – потрясло страну, и его личность стала образцом политической честности. В национальной жизни очень скоро проявили себя его молодые последователи.

После дискредитации «аутентизма» на безнадёжной арене традиционной политики имелась лишь одна группировка, обладавшая достаточной силой, чтобы возглавить радикальный поворот, – это «ортодоксы». Хотя после смерти Чибаса эта партия значительно утратила свою отвагу и осиротела без харизматического лидера, тем не менее ее политическая программа и традиция кампаний Чибаса вкупе с ореолом скончавшегося вождя превращали ее в вероятного победителя на приближавшихся выборах. В действительности, «ортодоксы» с их реформистско-демократической программой не сумели бы сделать многое для преобразования Кубы, если бы не были отменены рамки иностранной зависимости. Но их ярко

националистические планы и жертвы, на которые была готова пойти блестящая группа входившей в партию молодежи – гораздо более политически радикальная, чем традиционные «ортодоксы», – слишком пугали американское посольство. И конечно Фульхенсио Батисту, который надеялся вернуться к власти в 1952 году.

О действиях Батисты, его попытках объединить своих бывших коллег-военных и его визитах в американскую дипломатическую миссию хорошо знали за несколько недель до марта. Прио был информирован, что нечто затевается, однако не предпринял необходимых шагов, чтобы помешать насильственному посягательству на конституционные нормы. Батиста, зная, что незначительные силы его Партии унитарного действия (ПАУ) и недобрая память о его прошлом президентском правлении не позволят ему победить «ортодоксов» на приближавшихся выборах, ловко воспользовался стремлением кубинской олигархии иметь во главе страны «сильного человека», который, пользуясь благосклонностью Вашингтона, сумел бы навести порядок в хаосе, воцарившемся при «аутентизме». Речь шла о том, чтобы применить политику «твердой руки», как против бандитских и гангстерских организаций, так и против народа, боровшегося за удовлетворение своих требований. Сочетание различных факторов способствовало тому, что 10 марта 1952 года Батиста совершил государственный переворот, сместив Карлоса Прио.

Смещенный президент даже не подумал сопротивляться военному перевороту и не согласился возглавить борьбу против своего устранения, которое наносило страшный удар по печальному гражданско-демократическому опыту, накопленному Кубой с 1940 года. «Ортодоксы», раздираемые разногласиями, провели слабые акции

протеста, но в основном старались, как и прежде, уклоняться от решительных политических действий, ничуть не меняя ситуацию. Народно-социалистическая партия обличила переворот, но ее малочисленность, изолированность и железная тактика не позволяли ей возглавить антибатистовскую оппозицию. ФУС действительно попыталась энергично воспрепятствовать нарушению Конституции, однако все, что она делала, - это проводила возмущенные демонстрации, осуждая новый приход Батисты к власти.

С наибольшей силой горело негодованием и желанием бороться Молодежное крыло партии «ортодоксов». Его члены быстро поняли, что радикальное преобразование национальной жизни подразумевало разрыв с методами традиционной политики, отмену любой формы зависимости от Соединенных Штатов и использование для борьбы «новых формул», по прекрасному выражению Марти. Уже существовавшая у Гитераса идея вооруженного восстания против начинавшейся диктатуры становилась наиболее подходящим путем к реальному и эффективному социально-экономическому переустройству Жемчужины Антильских островов.

Диктатура Батисты и повстанческая борьба

Таким образом, ввиду пассивности традиционных политиков перед лицом диктатуры очень быстро возникла альтернатива вооруженной борьбы в качестве пути к свержению режима Батисты и радикальному решению серьезных проблем, от которых страдало кубинское общество. В конечном счете, народное восстание против

Батисты поднял почти неизвестный двадцатилетний адвокат Фидель Кастро. С большой группой молодых людей - служащих и безработных из бедных семей, среди которых особенно выделился Абель Сантамария, - прошедших подготовку в подполье, он 26 июля 1953 года атаковал казармы в Баямо и в Сантьяго-де-Куба - последняя считалась второй по значению в стране.

После неудачного штурма казармы «Монкада» сотня бойцов под личным командованием Фиделя Кастро была вынуждена отступить. С маленькой группой революционный командир ушел в горы Сьерра-Маэстра, в то время как более пятидесяти участников штурма, которые были схвачены или сдались сами, были зверски убиты военными. Давление общественности и своевременная мобилизация прессы и церковных властей спасли жизнь остальным революционерам.

Двадцать первого сентября 1953 года начался суд над десятками пленных, многие из которых не имели никакой связи с событиями «Монкады». Фидель Кастро, осужденный на пятнадцать лет тюрьмы - его брат Рауль был осужден на тринадцать лет, а остальные участники на сроки от трех до десяти лет, - смог передать из места заключения свою знаменитую защитительную речь «История меня оправдает». Этот документ, выдвигавший демократические, социальные и националистические задачи, стал исходной точкой, чтобы развернуть широкий фронт борьбы с диктатурой. Предложенные меры включали экспроприацию всего имущества, приобретенного мошенническим путем во время диктатуры и предыдущих коррумпированных правительств, аграрную реформу и национализацию американских монополий, контролировавших электроэнергию и телефонную сеть.

В мае 1955 года Фидель Кастро и его товарищи вышли из тюрьмы по амнистии, объявленной правительством Батисты под сильным народным давлением и в попытке узаконить выборный фарс, прошедший в предыдущем году. До того как отбыть в изгнание вследствие травли со стороны правительства, Фидель Кастро организовал своих последователей в «Движение 26 июля». Манифест номер 1 «Движения 26 июля» к народу Кубы, обнародованный в Мексике в августе того же года, был еще более радикальным документом, чем «История меня оправдает», хотя и исходил из тех же положений. Манифест недвусмысленно призывал к революции, и в число ее задач включались аграрная реформа, сокращение налогов, восстановление прав трудящихся, участие рабочих и служащих в доходах предприятий, индустриализация страны, широкая программа жилищного строительства и снижение платы за аренду жилья, национализация основных услуг, развитие образования и культуры, реформа судебной системы и конфискация имущества, нажитого нечестным путем.

25 ноября 1956 года восемьдесят два человека, решивших возобновить вооруженную борьбу против диктатуры, выехали из Туспана, Мексика, на яхте «Гранма». Отсутствие синхронизации с восстанием в городе Сантьяго-де-Куба – происшедшим за два дня до высадки под руководством Франка Паиса – и преследование правительственных войск привели к тому, что члены экспедиции были рассеяны в сражении при Алегрия-де-Пио, ввиду чего только кучка революционеров во главе с Фиделем Кастро смогла добраться до гор Сьерра-Маэстра. Несмотря на серьезные неудачи и малочисленность войска, с помощью крестьян и благодаря включению новых бойцов – организацией этой пополнения занималась Селия Санчес, – партизанская армия понемногу набирала силу. Доказательством

этого стал захват революционерами 17 января 1957 года маленькой казармы в Ла-Плата и важная победа, одержанная Повстанческой армией 28 мая в сражении при Уверо, в то время как в освобожденных районах Сьерра-Маэстры создавалась прочная база операций.

Параллельно другое вооруженное оппозиционное движение – Революционный директорат, состоявший главным образом из студентов, потерпел неудачу при попытке казнить Батисту в Президентском дворце 13 марта 1957 года; в этой акции, в числе прочих, погиб руководитель движения и президент ФУС Хосе Антонио Эчеверриа. Позже Революционный директорат «13 марта» образовал собственный партизанский фронт в центральной части острова, при том что другие организации, такие как НСП, также включались в вооруженную борьбу против военного режима.

Находясь в горах Сьерра-Маэстра, Повстанческая армия после разгрома военного наступления тирании весной 1958 года – развернутого вслед за поражением забастовки 9 апреля, – приняла решение овладеть остальной частью острова; этот процесс был начат несколькими месяцами ранее, когда колонна под командованием Рауля Кастро обосновалась в горном районе северной части провинции Ориенте. Партизанские отряды под командованием Камило Сьенфуэгоса вышли из Сьерра-Маэстры с намерением достичь западной оконечности страны, в то время как другой отряд под командованием аргентинца Эрнесто Че Гевары направился к хребту Эскамбрай. Оба авангарда Повстанческой армии, двигаясь по болотам и равнинам в стремлении избежать преследований врага, достигли центральной части острова в конце 1958 года.

Кульминацией революционного наступления стало освобождение Санта-Клары – главного города центральной

провинции – колонной Че Гевары, после того как он разгромил бронепоезд, спешно присланный из Гаваны, чтобы задержать повстанцев, а также осада городов Сантьяго-де-Куба и Гуантанамо силами соответственно Фиделя и Рауля Кастро. Эти события ускорили бегство Батисты, происшедшее 1 января 1959 года. В подобных обстоятельствах планы, задуманные высоким военным командованием в сговоре с американским посольством, чтобы не допустить победы революционных сил, провалились в результате парализации страны вследствие всеобщей забастовки, к которой призывал Фидель Кастро.

5

Революционное правительство

Переход к социализму

После победы Революции было образовано Революционное правительство, поначалу возглавленное судьей Мануэлем Уррутиа, в котором Фидель Кастро занял с 13 февраля 1959 года пост премьер-министра. На заре пришедшей к власти Революции, при воодушевленной поддержке населения, были распущены государственные и военные органы диктатуры, отданы под суд военные преступники и приняты важные меры, направленные на благо народа, в том числе снижение телефонных тарифов и сокращение на 50% оплаты за аренду домов и квартир; в то же время стимулировалось потребление национальных продуктов и строительство жилья для народа.

Многочисленная собственность Батисты и его приспешников была экспроприирована. На основе конфискованных цехов одной газеты была создана Национальная типография Кубы, в которой начали издавать дешевые книги. Были открыты для народа эксклюзивные пляжи и выделены большие ресурсы на здравоохранение и образование, при этом множество казарм бывшей армии постепенно превращались в государственные школы. В результате многих из этих и других распоряжений в первые восемь месяцев 1959 года покупательная способность населения значительно увеличилась. Этому способствовало хорошее управление экономикой – показатели роста в первые два года Революционного правительства составляли 10%, сахарное

производство в 1959, 1960 и 1961 годах равнялось в среднем 6,2 миллиона тонн – намного выше 5,4 миллиона тонн, которые в среднем получали в период 1950-1958 годов.

Несомненно самой значительной мерой этих первых месяцев 1959 года был Закон об аграрной реформе, принятый 17 мая, который дал землю сотням тысяч крестьянских семей и установил максимальный размер индивидуального владения в тридцать кабальерий, то есть 402 гектара, хотя этот предел мог был повышен до ста кабальерий на территориях, дающих высокие урожаи. Хозяева должны были получить компенсацию в бонах Республики согласно стоимости владения, заявленной государственной казне до экспроприации. Кроме того, был создан Национальный институт аграрной реформы (ИНРА) под руководством Фиделя Кастро. Уже в ноябре 1959 года были экспроприированы крупные животноводческие латифундии, хотя латифундии, где выращивался сахарный тростник, оставались в руках своих владельцев до окончания сафры 1960 года.

Провозглашение Закона об аграрной реформе обострило классовые противоречия в кубинском обществе и усилило начинающее столкновение с правительством Соединенных Штатов, определив границу между сторонниками и врагами радикализации Революции. В результате этого в июне-июле вышел из правительства президент Уррутиа – замененный Освальдо Дортикосом – и несколько его министров, стоявших на правых позициях; почти одновременно отмечалось несколько случаев предательства в военной сфере.

Как часть того же процесса политика Соединенных Штатов по отношению к Кубе быстро перешла от попыток отклонить с курса революционные реформы к прямой и безжалостной агрессии. Доказательством этого стало то,

что в октябре 1959 года Центральное разведывательное управление (ЦРУ) начало разрабатывать комплексный план подрывных действий, который был представлен в январе следующего года Совету национальной безопасности Соединенных Штатов. Тут же стали возникать многочисленные контрреволюционные группы, в которые входили элементы, происходившие из католических ассоциаций и традиционных партий.

В такой атмосфере, характеризуемой ростом диверсий, вооруженных нападений из США и дезертирств, 26 октября 1959 года кубинское население принялось образовывать вооруженные отряды народной милиции. Также два дня спустя возобновили свою работу революционные трибуналы, переставшие действовать с начала года, и 20 ноября был введен в силу Процессуальный закон мамби от 1896 года, предусматривавший смертную казнь и конфискацию имущества осужденных.

Этот процесс сопровождался укреплением государства в сфере экономики: в марте и апреле 1960 года была создана Центральная хунта планирования (ХУСЕПЛАН) и Кубинский банк внешней торговли. Кроме того, после завершения сафры ускорились экспроприации крупных латифундий, в том числе принадлежавшей «Юнайтед Фрут Компани». В следующем месяце, в результате открытого конфликта между трудящимися, защищавшими Революцию, и хозяевами или вследствие окончательной эмиграции владельцев были также конфискованы главные оппозиционные газеты и телеканалы.

Еще одним признаком растущей радикализации кубинского правительства стал визит в Гавану в начале февраля 1960 года первого заместителя председателя Совета министров Советского Союза Анастаса Ивановича Микояна, с тем чтобы открыть советскую выставку, которая

уже побывала в Мексике и в Соединенных Штатах. Первые встречи с неофициальным советским представителем проводились в большом секрете с середины октября 1959 года. По окончании пребывания на Кубе высокого руководителя Советского Союза было подписано первое торговое соглашение с Москвой. 8 мая того же года были восстановлены дипломатические отношения между обеими странами.

Начиная с этого момента значительно усилились диверсии, стимулируемые неприкрытым американским вмешательством при пособничестве буржуазии, землевладельцев и других состоятельных кубинских кругов. Четвертого марта 1960 года в Гаванском порту взорвался французский пароход «Ля Кубр», доставивший оружие и боеприпасы, закупленные Революционным правительством в Бельгии, при этом погибло семьдесят пять человек и более двухсот было ранено. Эта безжалостная диверсия почти совпала с приказом Соединенных Штатов начать в Центральной Америке подготовку кубинских эмигрантов для вторжения на остров. Два месяца спустя Революция стала подвергаться усиленной антикоммунистической кампании высокопоставленных руководителей католической церкви и множества проживавших на Кубе испанских священников, придерживавшихся фалангистских идей.

Диверсии в сахарной промышленности и других ключевых отраслях экономики, мятежи, поднятые контрреволюционными вооруженными бандами, и террористические акции превратились в повседневные явления; в то же время Соединенные Штаты стремились разными путями дестабилизировать Революционное правительство, в том числе угрожая прекратить поставки топлива. Отказ иностранных нефтеперерабатывающих

заводов перерабатывать советскую нефть, приобретенную Кубой после подписания первого торгового соглашения с Советским Союзом, вынудил Революционное правительство экспроприировать эти консорциумы 28 июня 1960 года. В наказание Соединенные Штаты через несколько дней отменили кубинскую сахарную квоту с намерением разорить страну, оставив ее без ее главного рынка; ответом на это стала национализация в период с 6 августа по 24 октября того же года всех американских предприятий и учреждений, включая банки, крупные заводы, рудники, телефонные и электрические компании, железные дороги и др.

Эти меры были дополнены 13 октября экспроприацией других крупных иностранных консорциумов и главной собственности кубинской буржуазии, открыто вставшей на сторону контрреволюции и Соединенных Штатов – которые 19 октября запретили торговать с островом; в силу этого в руках государства оказались все национальные и иностранные предприятия, имевшие более двадцати пяти работников. Почти одновременно Революционное правительство издало Закон о городской реформе, благодаря которому арендованные дома и квартиры перешли в собственность их жильцов.

Американское преследование также выражалось на международной арене с использованием Организации американских государств (ОАГ) В ответ на антикубинские соглашения, принятые на встрече министров иностранных дел, проходившей в Коста-Рике, Куба приняла на массовом митинге 2 сентября 1960 года Первую гаванскую декларацию. На этом же митинге было объявлено о восстановлении дипломатических отношений с Китайской Народной Республикой.

В первые месяцы 1961 года были созданы новые министерства, учреждения и предприятия, чтобы управлять значительно возросшим государственным сектором экономики, в то время как другие учреждения исчезали. На долю этих новых министерств выпала трудная задача реорганизовать всю экономику и внешнюю торговлю Кубы, привыкшей легко получать свои импортные продукты из Соединенных Штатов. Теперь товары должны были прибывать очень издалека и на больших судах. Кроме того, надо было заново приспособить промышленность к использованию советского сырья и запасных частей, которые должны были заменить американские. С 1961 года Советский Союз стал занимать первое место в кубинской внешней торговле (более 45%).

Первый этап Революции, полный важных событий и отличавшийся головокружительной идеологической радикализацией, сопровождался появлением в 1960 году новых революционных организаций, таких как Ассоциация молодых повстанцев (АХР), Федерация кубинских женщин (ФМК), Комитеты защиты Революции (КЗР) и, в 1961 году, Национальная ассоциация мелких земледельцев (АНАП). Как часть того же процесса в сентябре 1960 года было создано Бюро координации революционной деятельности, на чьей обязанности, как показывает его название, лежала координация работы «Движения 26 июля», Революционного директората «13 марта» и НСП.

Тем временем конфликт с Соединенными Штатами становился все серьезнее, как доказал разрыв дипломатических отношений 3 января 1961 года и высадка на Кубе военных сил из кубинских эмигрантов, организованных и подготовленных ЦРУ в Гватемале и Никарагуа. Вторжение началось 15 апреля бомбардировкой трех кубинских аэродромов самолетами, прилетевшими

из Центральной Америки, в результате чего погибло семь человек и около пятидесяти было ранено. На похоронах жертв Фидель Кастро провозгласил социалистический характер Революции.

Два дня спустя Бригада 2506, состоявшая главным образом из бывших военных-батистовцев и молодых людей из кругов буржуазии, высадилась на Пляя-Ларга и Пляя-Хирон в бухте Кочинос, но была разбита менее чем за семьдесят два часа отрядами милисиано и Повстанческой армии. Разгром на Пляя-Хирон сорвал планы внутренней контрреволюции, так как многие ее участники были арестованы, а другие, обескураженные неудачей, уехали из страны. В завершение всего обострились столкновения с католической церковью, и из страны было изгнано несколько сот священников и монахов, в большинстве иностранцев.

В разгар этих интенсивных конфликтов и столкновений прошла массовая кампания по ликвидации неграмотности, давшая поразительные результаты, так как за несколько месяцев было обучено чтению и письму 707 000 человек, что сократило неграмотность в стране всего до 3,9% населения – самого низкого показателя в Латинской Америке. Кроме того, 6 июня 1961 года было запрещено частное образование и экспроприированы все частные колледжи и школы, светские и религиозные.

Строительство социалистического государства

Главной характеристикой периода, начавшегося после победы на Пляя-Хирон, было строительство социалистического государства и защита Революции от

подрывной деятельности, провоцируемой Соединенными Штатами, продолжавшихся военизированных нападений из-за рубежа и последствий экономической и торговой блокады, ставшей полной с февраля 1962 года. Куба была также подвергнута дипломатической изоляции после ее исключения из ОАГ в январе того же года при пособничестве тогдашних латиноамериканских правительств за одиноким исключением Мексики, - это привело к тому, что в ответ на соглашения ОАГ на массовом митинге на Площади Революции была принята Вторая Гаванская декларация.

В подобной конъюнктуре правительство Соединенных Штатов разработала так называемую операцию «Мангуста», направленную на то, чтобы спровоцировать контрреволюционное восстание, которое создало бы предлог для прямой военной интервенции. Террористические акты и крупномасштабные диверсии на кубинских промышленных предприятиях, организованные ЦРУ, отняли жизнь у многих людей и причинили убытки на сотни миллионов песо. Однако операция «Мангуста» была резко прервана побочным воздействием Карибского кризиса, который поставил мир на грань ядерного конфликта.

Этот кризис, самый опасный за всю историю «холодной войны» между Соединенными Штатами и Советским Союзом, был вызван установкой на Кубе советских баллистических ракет средней дальности в силу договора между Гаваной и Москвой, тайно подписанного в августе 1962 года, с тем чтобы предупредить прямую военную интервенцию на Кубу. После того как американские разведывательные службы обнаружили ракетные установки, президент Джон Ф. Кеннеди потребовал 22 октября немедленного вывода этого оружия и распорядился

о введении морской блокады Кубы, что открыло путь к ядерному столкновению; его удалось избежать неделю спустя односторонним решением Советского Союза вывести ракеты. Революционное правительство, осудившее эти переговоры, которые происходили за его спиной, не согласилось на инспекцию своей территории. Поэтому одними из последствий Карибского кризиса стало первое охлаждение в кубино-советских отношениях, а также устное обещание американцев не совершать военного нападения на остров.

В годы, последовавшие за Карибским кризисом, были ликвидированы последние контрреволюционные организации на территории страны. Почти в то же время были окончательно разгромлены банды вооруженных и финансируемых Соединенными Штатами мятежников, действовавших против Революционного правительства. В этот период тайная война против Кубы, проводимая Соединенными Штатами, стала менее интенсивной ввиду явной стабильности страны и широкой международной поддержки Революции, главным образом со стороны социалистических стран и государств, входивших в Движение неприсоединившихся стран, а также вследствие проблем для Вашингтона, созданных войной во Вьетнаме.

Параллельно с этими событиями шло слияние революционных организаций. В мае 1961 года «Движение 26 июля», Революционный директорат «13 марта» и Народно-социалистическая партия объединились в Объединенные революционные организации (ОРО). Большая организационная способность членов НСП в сочетании с растущим союзом с СССР и принятием социализма привела к тому, что некоторые опытные руководители этой партии приобрели в ОРО и в отдельных

учреждениях и организациях непропорционально большое влияние по сравнению с их вкладом в победу Революции.

Этому также способствовала сектантская политика организационного секретаря ОРО Анибала Эскаланте, кто ставил на важные административные и политические посты бывших членов НСП; это привело к его смещению Фиделем Кастро в марте 1962 года. Вслед за тем началась широкая реорганизация ОРО, чтобы ликвидировать следы сектантства, и вместо них в мае 1963 года была создана Единая партия социалистической революции Кубы. К тому времени Ассоциация молодых повстанцев уже превратилась в Союз молодых коммунистов (СМК).

Процесс интеграции революционных организаций не был лишен трудностей и непонимания; нечто подобное произошло в среде интеллигенции в середине 1961 года, что вынудило команданте Фиделя Кастро провести широкое собрание с деятелями искусств и руководителями учреждений культуры в помещении Национальной библиотеки. Призывая к объединению, премьер-министр провозгласил, что политикой в области культуры будет девиз «в рамках Революции – все; против Революции – ничего». Чуть позже, в августе того же года, был образован Союз писателей и деятелей искусств Кубы (УНЕАК) под председательством поэта Николаса Гильена.

К этому времени значительная часть национальной экономики уже находилась в руках государства, так как в июне 1962 года были экспроприированы все промышленные предприятия и крупные обувные магазины, магазины готовой одежды и хозяйственные магазины, а также 70% сельского хозяйства, и в октябре 1963 года был принят второй Закон об аграрной реформе, сокративший максимальную площадь земли в частных руках до шестидесяти семи гектаров. Расширение

государственной сферы экономики сопровождалось определенным снижением промышленного и сельскохозяйственного производства, что в сочетании с воздействием блокады, массовыми военными мобилизациями и в особенности с чрезвычайным увеличением покупательной способности населения привело к перебоям в снабжении многими продуктами. Чтобы сдержать спекуляцию, было необходимо заморозить цены и ввести, в марте 1962 года, строгое нормирование большинства товаров первой необходимости.

Нормирование было также косвенным результатом решения добиться экономического развития страны путем быстрой индустриализации, поскольку считалось, что причиной отсталости являлась огромная зависимость от сахара. На принятие данной политики влияла не только теория развития, господствовавшая в то время в латиноамериканском экономическом мышлении, но также и необходимость достичь за короткое время самообеспечения промышленной продукцией в качестве стратегии выживания Революции. Для достижения этой цели были созданы новые государственные учреждения и намечен амбициозный план развития (на 1962-1965 годы) с помощью Советского Союза, Китая и других социалистических стран.

План, направленный на развитие, не принес ожидаемых результатов, напротив, его следствием стало падение сахарного производства, которое в 1963 году – при объеме сафры только 3,8 миллиона тонн – сократилось почти наполовину по сравнению с 1961 годом, что привело к существенному сокращению импортной способности страны, уже значительно пострадавшей от покупки машин и сырья для расширявшейся промышленности. Это вынудило в июне 1963 года применить новую стратегию,

вновь делавшую упор на сахарном производстве. План капиталовложений в промышленность был в 1964 году уже на 18% меньше, чем в предыдущем. Для укрепления этой тенденции в январе 1964 года Куба и Советский Союз подписали первое долгосрочное соглашение – до 1970 года, которое гарантировало стабильные цены на сахар и рост рынка на него.

Поиски кубинской модели социализма

В то же время развернулись публичные дебаты о системе управления экономикой, наиболее подходящей для страны, и обсуждения, касавшиеся моральных и материальных стимулов. Полемика была начата команданте Эрнесто Че Геварой, в то время министром промышленности, возражавшим сторонникам хозрасчета, которые, основываясь на опыте Советского Союза и других европейских социалистических стран, предлагали систему, предоставлявшую предприятиям определенную автономию и опирающуюся в целях увеличения производства на материальные стимулы.

Эрнесто Гевара склонялся к принятию бюджетной системы финансирования, очень критически относился к опыту Восточной Европы и Советского Союза, который, по его словам, намеревался строить социализм при помощи щербатых орудий капитализма. Но Че не смог и далее защищать свои тезисы: в 1965 году он оставил свой пост министра, чтобы посвятить себя революционной борьбе за освобождение других народов и погиб в октябре 1967 года в Боливии, убитый военными этой страны. Тем не менее, в конце концов его предложения восторжествовали, хотя в процессе их осуществления многие из них были доведены до крайности.

Так, были заброшены средства централизованного планирования и контроля, установилось презрительное отношение к бухгалтерскому учету, финансовой инспекции и материальным стимулам в надежде полностью ликвидировать товарно-денежные отношения. Снижение производительности в результате многих из этих мер заставило прибегать к массовым мобилизациям работников-добровольцев, направляя их в особенности на изнурительные сельскохозяйственные работы, такие как гигантский план посадки Зеленого пояса вокруг Гаваны в 1967-1968 годах и саффа 1970 года, для которой потребовалось участие более миллиона человек.

В стремлении создать кубинскую модель социализма в марте 1968 года было проведено так называемое революционное наступление, в ходе которого были конфискованы все мелкие заведения различного типа, общим числом около пятидесяти восьми тысяч, составлявшие 75% розничной торговли – рестораны, бары, ремонтные мастерские и мастерские кустарно-художественных изделий, уличные точки продажи продуктов питания, так что в частных руках осталось лишь 30% сельского хозяйства и очень ограниченная часть автомобильного транспорта. Работа частных была ликвидирована почти целиком.

Низкую производительность и отсутствие трудовой дисциплины, которым способствовали многие из эгалитарных распоряжений, нельзя было исправить массовыми мобилизациями добровольцев – трудящихся и студентов, в силу чего иногда приходилось прибегать к другим формам. Также с ноября 1968 года начали действовать в современных и удобных зданиях, построенных специально для этой цели, средние школы в поле, где учеба сочеталась с днями физической работы,

и стали часто практиковаться временные мобилизации учащихся городских учебных заведений для работы в сельском хозяйстве.

Другими проявлениями линии, направленной на строительство особой модели социализма, стала например организация в августе 1966 года Движения передовиков, которое практически заменило собой Конфедерацию трудящихся Кубы (Революционную) (КТК-Р). Нечто подобное произошло с другими массовыми организациями, такими как ФУС и Союзом учащихся средних учебных заведений, чьи главные функции были взяты на себя СМК.

Этому процессу предшествовало создание Центрального Комитета Коммунистической партии Кубы во главе с Политбюро, образованным из исторических лидеров вооруженной борьбы против Батисты, о чем было объявлено в октябре 1965 года. В таком контексте в конце 1967 года было обнаружено существование узкой оппозиционной группы внутри самой Коммунистической партии Кубы, лидером которой был Анибал Эскаланте, вернувшийся из своего обязательного пребывания в Восточной Европе. В начале 1968 года немногочисленные члены того, что стали называть «микрофракцией», в своем большинстве бывшие члены НСП, были ненадолго арестованы.

Параллельно активно развивались кино, литература, общественные науки, музыка, балет и даже изобразительное искусство – например, в Гаване в 1967 году открылся авангардистский Майский салон; популяризировались разнообразные марксистские тенденции, включая и те, что господствовали тогда в Западной Европе, в особенности в журнале Гаванского университета «Пенсамьенто критико». В такой атмосфере в январе 1968 года в кубинской столице

был проведен Международный конгресс культуры с участием более пятисот делегатов.

Этот процесс совпал с постепенно выявлявшимся несогласием Кубы с некоторыми аспектами внешней политики Советского Союза, что достигло кульминации к концу 1967–началу 1968 года, когда Куба начала тактично осуждать его лицемерную позицию в связи со становившейся все упорнее войной Соединенных Штатов во Вьетнаме, а также из-за проявляемого Москвой непонимания партизанского движения, сотрясавшего Латинскую Америку. Поиски собственной модели социализма сопровождались расхождением с внешней политикой Советского Союза, и это также нашло выражение в конструктивной и унитарной позиции, занятой Кубой в советско-китайском споре.

Следует принимать во внимание, что с начала шестидесятых годов Куба поддерживала вооруженные революционные движения в Латинской Америке. Эта политика была открыто провозглашена в Декларации, принятой в Сантьяго-де-Куба 26 июля 1964 года, где предупреждалось, что кубинское правительство считает своим правом поддерживать революционное движение в тех странах, которые участвуют в планах вооруженной агрессии против Революции. В этой ситуации в апреле 1967 года в Гаване в журнале «Триконтиненталь» было опубликовано послание Че Гевары к народам мира, где призывалось расширить революционную борьбу и создать новые Вьетнамы.

В результате такого положения торговля Кубы с другими социалистическими странами сократилась, и возросли операции с некоторыми странами Западной Европы. Так например Испания стала в 1966 году третьим поставщиком Кубы. В то же время, с тем чтобы удовлетворить растущие

национальные потребности и финансовые обязательства страны, был задуман амбициозный план, направленный на то, чтобы получить в 1970 году сафру в 10 миллионов тонн сахара. Неудача этой стратегии – хотя был достигнут рекордный урожай в 8,5 миллиона тонн, – наряду с изменениями, происходившими на международной арене, такими как установление правительства Веласко Альварадо в Перу, победа Народного единства в Чили, конец вьетнамской войны и так далее, вместе с другими факторами, привели к существенному изменению кубинской экономической политики.

6

От институционализации к
особому периоду

Институционализация Революции

Начиная с семидесятых годов, в момент уменьшения напряженности с Соединенными Штатами – что не помешало контрреволюции, обосновавшей в этой стране, взорвать в воздухе в октябре 1976 года кубинский пассажирский самолет с семьюдесятью тремя лицами на борту, - хотя угрозы в адрес Кубы продолжались, страна смогла посвятить себя созданию новых институтов и экономическому развитию. Связи с Советским Союзом значительно расширились, что смягчало воздействие неизменной американской блокады, и в то же время была принята новая система управления экономикой на основе обсуждений, проходивших на XIII Рабочем съезде в ноябре 1973 года, позволившая обеспечить действительно примечательные темпы развития. Вместе с тем Куба увеличила оказание технической помощи многим странам, что делала с начала Революции, и направила военные контингенты в Эфиопию и Анголу по просьбе их правительств для борьбы с иностранными агрессорами.

Этот период начался с постепенного отхода от направления, которому следовали во второй половине предшествующего десятилетия, были приняты многие элементы советской социалистической модели. Восстановлению экономики в результате новых постановлений способствовало поначалу значительное повышение цен на сахар: котировка на международных рынках повысилась с 3,68 цента в 1970 году до 29,6 цента в

1974-ом. Кроме того, в декабре 1972 года было подписано важное соглашение с Советским Союзом, в силу которого откладывалась до 1986 года выплата процентов и основной суммы кредитов, предоставленных Кубе до 1973 года; затем это было отложено до следующего века. Благодаря данному фактору в 80-е годы товарообмен с Советским Союзом стал составлять более 60% всей внешней торговли Кубы. В результате экономика усиленно развивалась.

За короткое время восстановилось центральное планирование и общий бюджет, в то же время начал готовиться первый пятилетний план (1976-1980). Также в ходе этого процесса были введены материальные стимулы, чтобы повысить производительность труда, была разрешена деятельность частных, покупка-продажа и наем жилищ, открыты крестьянские рынки и рынки кустарных изделий и так далее. С конца семидесятых и особенно в первой половине восьмидесятых годов почти десять миллионов кубинцев значительно повысили свой уровень жизни: практически не существовало безработицы, питание всего населения было здоровым и сбалансированным, 85% жилищ были электрифицированы, 91% из них имели телевизоры, 50% - холодильники, 59% - стиральные машины и 69% - вентиляторы. Кроме того, был механизирован тяжелый труд по рубке сахарного тростника – в 1970 году механизация составляла едва ли 2%, а в 1988 году повысилась до 63%.

Значительный экономический рост сопровождался широким воспроизведением советской модели социализма во многих сферах жизни страны, включая ее негативные аспекты догматизма и нетерпимости, из-за чего этот период кое-кто называл «серым пятилетием», - термин, связанный с некоторыми явлениями в культурной жизни, возникшими после проведения в 1971 году I Национального

съезда работников образования и культуры, которые стали считать преодоленными с созданием в 1976 году Министерства культуры.

Процессу институционализации Революции начали уделять особое внимание после Первого съезда Коммунистической партии Кубы, состоявшегося в декабре 1975 года. Вслед за проведением массового народного референдума – с участием 95,7% избирателей, – проведенного 15 февраля 1976 года, вступила в силу новая Конституция социалистического характера, и 5 июля 1976 года было введено новое политико-административное деление: страна, в которой ранее было шесть провинций, теперь делилась на четырнадцать, и впервые после победы Революции были избраны представители в муниципальные, провинциальные и национальный органы власти. Завершением процесса институционализации стало открытие 2 декабря 1976 года заседаний Национальной ассамблеи, где Фидель Кастро был избран председателем Государственного совета и Совета Министров – пост, на котором он утверждался на последующих выборах вплоть до 2003 года.

Железная американская блокада была на короткий срок облегчена при правлении Джеймса Картера, начавшемся в 1977 году, хотя в действительности первые шаги в этом направлении были сделаны на последнем этапе администрации его предшественника Джеральда Форда, кто утвердил некоторые изменения, в том числе разрешение американским дочерним компаниям, находящимся в третьих странах, вести дела с Кубой. В марте 1977 года было отменено запрещение американским гражданам посещать Кубу, в апреле было подписано рыболовное соглашение между обеими странами, и в июне было принято решение об открытии в Вашингтоне и в

Гаване отделов, представляющих интересы обеих стран. Ранее, в феврале 1973 года, удалось заключить соглашение о предотвращении угонов самолетов, которое Куба перестала соблюдать после уже упоминавшегося взрыва самолета на Барбадосе. В июле 1975 года Соединенные Штаты проголосовали в ОАГ за отмену некоторых санкций против Кубы. В этом контексте Куба смогла восстановить дипломатические отношения с большинством стран континента, и в 1979 году в Гаване состоялся важный саммит Движения неприсоединившихся стран.

В рамках ограниченной разрядки в отношениях между Гаваной и Вашингтоном кубинское правительство освободило более трех тысяч заключенных контрреволюционеров, так что число заключенных такой категории снизилось до нескольких сотен террористов, из которых в 1987 году остались в тюрьмах едва лишь несколько десятков. Тем не менее, тенденция к нормализации отношений с Соединенными Штатами была ограничена вопросом прав человека, связями Кубы с Советским Союзом и поддержкой, оказываемой Революцией Эфиопии и Анголе. Также являлись препятствиями кубинская поддержка Сандинистской революции в Никарагуа, правительства Мориса Бишопа на маленьком острове Гренада и партизанских движений в Сальвадоре и Гватемале.

В числе самых значительных событий тех лет надо назвать начало переговоров кубинского правительства с майамской эмиграцией в ноябре 1978 года – что открыло путь к первым массовым визитам родственников из Соединенных Штатов – и события в посольстве Перу, захваченном в апреле 1980 года сотнями лиц, желавшими уехать из страны. В ответ было решено открыть порт Мариель, откуда за несколько недель выехало во Флориду

более ста двадцати тысяч человек. Выезд эмигрантов, объявленный Кубой в одностороннем порядке, снова осложнил отношения с Соединенными Штатами. В результате в 1984 году были заключены соглашения для возобновления легального въезда в США, и этим путем в Соединенные Штаты уехало до 1990 года чуть более семи тысяч человек, в то время как нелегальные отъезды достигли самого низкого уровня за весь революционный период.

Усиление агрессивности с приходом в Белый дом Рональда Рейгана, положившим конец короткой и относительной разрядке в отношениях с Соединенными Штатами, вынудило кубинское правительство с 1981 года выделять значительные средства на оборону страны и на организацию Войск территориальной милиции (МТТ) как части новой военной оборонительной доктрины, названной Всенародной войной. Несмотря на обострение враждебности, проявлявшейся в крупных военных учениях армии Соединенных Штатов вокруг Кубы, на практике в период республиканских администраций, продлившийся с 1980 по 1992 год, контрреволюционные акции уменьшились, хотя имели место некоторые нападения на кубинские берега и террористические покушения.

Исправление ошибок

Однако в середине восьмидесятых годов в экономике Кубы стали отмечаться некоторые тревожные симптомы, почти одновременно с тем, как начали осложняться отношения с Советским Союзом в результате перестройки, проводимой новым советским лидером Михаилом Горбачевым. В 1987 году импорт из капиталистических

стран снизился наполовину, в то время как экономический рост оказался отрицательным (-3,5%), чего не было за более чем пятнадцать лет. Вдобавок показатель детской смертности повысился, и безработица достигла 6% - нечто беспрецедентное с момента победы Революции.

Некоторые из причин заключались в растущем ухудшении международных экономических отношений, значительном уменьшении доходов от продаж за рубежом и увеличении торгового дефицита наряду с упорными требованиями кредиторов - в 1986 году Куба впервые прекратила выплату своего внешнего долга более чем ста международным банкам, что сочеталось с невозможностью получить новые кредиты и финансирование из социалистических стран и Советского Союза, вытекающей из новой политики Горбачева, несмотря на экономические обязательства, взятые перед кубинским правительством, которые сохранялись в силе вплоть до момента, почти сразу последовавшего за его визитом на Кубу в апреле 1989 года.

Формула для решения данных проблем была оглашена в апреле 1986 года на заседаниях Третьего съезда Коммунистической партии Кубы, она состояла в процессе, названном процессом исправления ошибок и негативных тенденций и направленном на то, чтобы демонтировать часть системы управления экономикой (были закрыты крестьянские рынки, запрещена купля-продажа жилищ и ограничена работа частных) и другие механизмы, основанные на материальных стимулах, которые были скопированы с Советского Союза. Были подвергнуты критике неумеренное внимание к индивидуальной материальной заинтересованности, рост бюрократии, технократический анализ проблем экономики и общества, растрата ресурсов, отсутствие государственного контроля и коррупция.

Чтобы бороться с этими отклонениями, также было решено вернуться к стимулированию добровольного труда и другим идеям Че, восстановить микробригады – созданные с 1971 года из работников самих производственных центров и центров обслуживания и занимавшиеся строительством жилья, - чтобы строить новые общественные объекты – больницы, детские сады и специальные школы. Кроме того, были отменены бесплатные льготы и повышена заработная плата для секторов с низкими доходами, несмотря на значительное сокращение доходов в валюте: на 40% только с 1985 по 1986 год. Невзирая на эти меры в 1986, 1988 и 1989 году рост экономики был очень скромным и даже снова стал отрицательным в 1987 и 1990 годах.

Именно в подобной атмосфере произошло одно из самых серьезных событий, с какими пришлось столкнуться Революции: арест с последующим судом в середине июня 1989 года нескольких высоких офицеров Революционных вооруженных сил и Министерства внутренних дел, четверым из которых был вынесен смертный приговор по обвинению в коррупции и наркобизнесе, и они были расстреляны в июле 1989 года. Быстрые и решительные действия кубинского правительства в этом случае не только были связаны с этикой и революционными принципами, но также вызваны возможностью того, что связи с международным рынком наркотиков станут причиной американского нападения на Кубу, подобного тому, какое произошло несколько месяцев спустя в Панаме под предлогом борьбы с наркоторговлей.

Особый период

Исчезновение социализма в Восточной Европе (1989-1990 годы) и распад Советского Союза (1991 год), наряду с усилением американской экономической блокады, поставили Революцию в самые тяжелые условия за все ее историю. Глубокий и неожиданный экономический кризис был вызван одновременной потерей рынков, цен и кредитов: импортная способность Кубы резко упала с почти восьми миллиардов долларов в год до менее двух миллиардов, в то время как валовой внутренний продукт (ВВП) упал на 40%.

Чтобы облегчить страшную ситуацию, правительство решило ввести план на особый период, первоначально подготовленный на время войны, который, в числе других аспектов, включал равное распределение скудных существовавших ресурсов. В то же время были закрыты промышленные объекты, государственные предприятия и другие производственные центры и центры обслуживания, включая транспортные маршруты, для которых не было ни сырья, ни необходимых энергоносителей, в своем большинстве импортировавшихся из Восточной Европы. Так, менее чем за сорок лет Куба должна была дважды внезапно и радикально переориентировать свою экономику. После резкого исчезновения окружения, в котором действовала Куба с шестидесятых годов, пришлось решительно менять все внешние связи и в большой степени также экономическую систему перед лицом драматической дилеммы: сохранить социальные завоевания Революции или сдаться американской осаде.

Блокада Кубы, установленная Соединенными Штатами, была удвоена законом Торричелли, принятым в октябре 1992 года, который, в числе прочих карательных мер,

отменял разрешение американским предприятиям, находящимся в третьих странах, торговать с Кубой, и законом Хелмса-Бертон, вступившим в силу в феврале 1996 года, который разрешал судам Соединенных Штатов накладывать санкции на предприятия третьих стран, имеющих деловые связи с Кубой.

В разгар столь неожиданной ситуации в октябре 1991 года был проведен Четвертый съезд Коммунистической партии Кубы, который существенно изменил руководящий состав, допустил принятие верующих в члены партии, предложил реформу Конституции, которая включала бы прямое избрание депутатов, подтвердил принцип однопартийности и обосновал необходимость создания совместных предприятий с иностранным капиталом. Через несколько месяцев Национальная ассамблея внесла изменения в Конституцию 1976 года и обновила ее прямым и тайным голосованием, и выборы доказали, что несмотря на острые экономические проблемы большинство граждан поддерживает социалистический проект.

Даже в наихудших условиях этого мучительного процесса кубинское правительство сумело сохранить основные достижения Революции – не были закрыты ни одна школа, ни одна больница, гарантировалась минимальная корзина самых необходимых продуктов питания для семей, в то время как огромное большинство населения оказалось вынужденным прибегать к различным видам деятельности, чтобы сопротивляться трудностям, и спонтанно возникли самые разные способы получения доходов и решения множества проблем с серьезно ограниченным питанием, с транспортом, электроэнергией и в других основных сферах. В числе последствий резкого понижения уровня жизни кубинского населения

было также исчезновение многих социальных услуг и расширение черного рынка.

Еще одним последствием было невероятное увеличение нелегальных отъездов: летом 1994 года более тридцати тысяч человек уплыли из страны на утлых самодельных суденышках. Эта бесконтрольная волна, чему способствовал американский закон об упорядочении статуса кубинских эмигрантов, принятый в 1966 году, вынудил правительство Вашингтона подписать в 1994 и 1995 годах новые миграционные соглашения, которые снова открыли двери для легальной иммиграции. Кроме того, Соединенные Штаты обязались возвращать Кубе лиц, подобранных в открытом море. Все это привело к снижению нелегального потока.

Начиная со второго полугодия 1993 года правительство Кубы приняло ряд постановлений, направленных на стимулирование индустрии туризма и фармацевтической промышленности как главных источников получения внешних ресурсов, а также провело некоторые конъюнктурные реформы – кое-какие из них чуждые социалистической модели, характеризовавшей кубинскую экономику, в их числе разрешение труда частников, свободная циркуляция доллара и открытие валютных магазинов, кооперирование двух третей государственного сельского хозяйства – были созданы низовые хозяйства сельскохозяйственного производства, - принятие нового закона об инвестициях, открывшего для иностранного капитала почти все экономические секторы страны, возобновление работы сельскохозяйственных рынков и рынков кустарных и промышленных изделий, действующих по закону спроса и предложения, а также выдача разрешений на сдачу частных комнат иностранным приезжим. Эти меры не только были направлены на

смягчение серьезного воздействия кризиса на шаткое материальное положение семей, но также и на то, чтобы преодолеть в как можно более короткий срок тяжелые условия так называемого особого периода.

Несомненно эти постановления имели относительный успех, так как позволили пережить самые критические моменты, вывести экономику в целом из ее застоя и постепенно восстанавливать сельское хозяйство, промышленность и сферу услуг. Доказательством этого стало то, что между 1994 и 1995 годами рост ВВП составлял в среднем 2,2%, а в 1999 году достиг 6,2%; в этом же году число иностранных туристов составило полтора миллиона человек (в 1986 году их было только двести тысяч), и выросло число совместных предприятий, действовавших на Кубе. Излишек денег в руках населения был частично абсорбирован, и страна добилась относительного внутреннего денежного равновесия; кубинский песо был ревальвирован по отношению к доллару, и государственный бюджетный дефицит сократился до приемлемых пределов.

Положительный экономический баланс позволил добиться некоторых чувствительных улучшений в социальной сфере и реактивировать солидарность Кубы с другими странами. Например, удалось гарантировать и даже по некоторым показателям поднять на более высокий уровень качество образования и здравоохранения, несмотря на нехватку книг и лекарств. Как отражение этого, показатель детской смертности продолжал понижаться, достигнув уровня в шесть на каждую тысячу родившихся живыми; сотни кубинских врачей отправились работать в различные страны так называемого «третьего мира», а в Гаване открылся Латиноамериканский медицинский институт, принявший тысячи студентов из других стран.

С 1995 года также начало отмечаться постепенное восстановление традиционной продукции, такой как никель и табак, хотя ахиллесовой пятой продолжало оставаться непомерно дорогое сахарное производство; вследствие этого в 2002 году было принято решение окончательно прекратить работы на более чем половине сахарных заводов (в сафру 2008 года работало только пятьдесят четыре), которые были демонтированы. Другим отрицательным элементом в нынешней ситуации является сочетание долларизации экономики и ограничительной денежной политики, что привело к чувствительному снижению реальной заработной платы большинства населения и неизбежному появлению заметного неравенства, ослаблявшего модель социальной справедливости, характеризовавшей кубинский социализм.

К числу достижений надо добавить значительный рост добычи сырой нефти и газа, - начиная с 2003 года это позволяет производить почти 100% электроэнергии на кубинском топливе, хотя в 1990 году производилось только 4%, - строительство жилья, развитие легкой и пищевой промышленности, а также значительно улучшение телекоммуникаций и средств массовой информации с введением новых телефонных услуг и увеличением часов телепередач (даже были открыты новые телеканалы) и тиража газет и журналов. Также следует отметить значительное сокращение безработицы.

Несмотря на обнадеживающие темпы роста и постепенное повышение экономической эффективности, они еще не компенсируют негативного воздействия факторов, накопившихся вследствие суровых ограничений самых критических лет (1991-1994 годов) особого периода и неэффективности сахарного производства – последние сафры не смогли достичь двух миллионов тонн сахара, - а

также аспектов, явившихся результатом систематического ухудшения условий товарообмена, главным образом по причине упорного падения цен на экспортные продукты по сравнению с непропорциональным ростом цен на топливо и основные продукты питания.

Битва идей

Значительным поворотным пунктом стало дело Элиана. Этот процесс начался, когда в ноябре 1999 года в море у берегов американского полуострова Флорида был спасен кубинский шестилетний ребенок Элиан Гонсалес, переживший крушение катера и гибель десяти пловших с ним лиц, включая его мать. После долгого судебного процесса в Соединенных Штатах в отношении родительских прав, привлечшего внимание всего мира, 28 июня 2000 года Элиан вернулся на Кубу, где перед тем происходили большие народные шествия и протесты с требованием возвратить его отцу, жившему на Кубе.

Кампания за возвращение Элиана возглавлялась лично Фиделем Кастро, и это стало началом политико-идеологического наступления на различных фронтах, получившего название Битва идей. Одним из таких фронтов была культура, что характеризовалось беспрецедентным открытием возможностей в интеллектуальном творчестве, где упор был сделан на защиту национальной самобытности и национальных ценностей от поступавшего из-за рубежа продвижения неолиберальной глобализации.

Быть может, самые выдающиеся успехи были достигнуты в сфере образования, где не только были расширены школы, построены новые и сокращено число

учеников на одного учителя, но также стал осуществляться план универсализации образования, предусматривающий возможность изучать университетские специальности в любой части страны. Позже, под личным руководством Фиделя Кастро, началась энергетическая революция, основанная на эффективном производстве и рациональном использовании электроэнергии, для чего устаревшие электробытовые приборы были заменены на более современные и экономные.

Хотя в конце правления Уильяма Клинтона был разрешен импорт определенных продуктов питания из Соединенных Штатов, начатый в декабре 2001 года, уже во время правления его преемника, которому пришлось сохранить в силе это разрешение под давлением американских фермеров, по-прежнему действуют положения законов Торричелли и Хелмса-Бертон - плоды неизменной враждебности к Революции со стороны Кубино-американского национального фонда (КАНФ), связанного с консервативными кругами американского общества. В 1997 году под опеку КАНФ, в результате его давления, был передан антикубинский телеканал «ТВ Марти», созданный американским правительством в марте 1990 года в рамках станции «Голос Америки» (подрывная радиостанция «Радио Марти» была создана еще в мае 1985 года); в июне и сентябре 1997 года произошли взрывы в гаванских отелях, организованные КАНФ с использованием центральноамериканских наемников. Кроме того, 6 мая 2004 года президент Джордж У. Буш обнародовал новые антикубинские распоряжения, включающие суровые ограничения в родственных визитах и посылке денег на остров, на что кубинское правительство ответило рядом контрмер, в том числе изъятием доллара из обращения в стране и заменой его конвертируемым песо.

Несмотря на все трудности и угрозы кубинское общество первых лет XXI века – утвердившее большинством голосов на референдуме, проведенном в 2002 году, занеся это в свою Конституцию, необратимый характер социализма – по-прежнему стремится сохранить основные социальные завоевания Революции, достигнутые со времени ее победы уже полвека назад. Кубинский социализм, невзирая на потерю ее прежних внешних источников существования и тесное кольцо, установленное Соединенными Штатами, продолжает твердо стоять на ногах благодаря своим глубоким и прочным корням в народе.

Свидетельством этому стало в последнее время укрепление гражданской сознательности – процесс, начавшийся вслед за исключительно важным выступлением Фиделя Кастро в Актовом зале Гаванского университета 17 декабря 2005 года и включающий широкую кампанию против коррупции; этот процесс продолжается со всей строгостью, несмотря на болезнь верховного лидера Революции. После актов 26 июля 2006 года Фидель Кастро был подвергнут срочной операции и, как это устанавливается действующей Конституцией, был вынужден временно передать исполнение своих обязанностей первому заместителю Председателя Государственного совета и Совета Министров Раулю Кастро Русу.

Позже, 24 февраля 2008 года, Рауль Кастро был избран Национальной ассамблеей на эти посты, и с тех пор был принят ряд необходимых мер в качестве стратегии в целях укрепления кубинского социализма, в том числе передача во временное пользование пустующих земель индивидуальным производителям и новый закон о социальном обеспечении. Под его руководством страна должна была в конце того же года заниматься

восстановлением после серьезного ущерба, причиненного ураганами Густав, Айк и Палома, при этом не отказываясь от поисков обновленной модели социализма с сохранением национального суверенитета перед лицом непрекращающейся враждебности Соединенных Штатов, как подчеркнул генерал Рауль Кастро в своем выступлении в Камагуэе 26 июля 2007 года.

Недаром команданте Фидель Кастро в заключительном выступлении на четвертой сессии шестого созыва Национальной ассамблеи 24 декабря 2004 года с полным основанием утверждал, что страна энергично выходит из так называемого особого периода, начиная новый этап в истории Кубы не только благодаря растущей подготовке ее населения и новым научным достижениям в области здравоохранения, но также и благодаря широким соглашениям о сотрудничестве, подписанным с Китайской Народной Республикой и Боливарианской Республикой Венесуэла – с последней в целях укрепления Боливарианского союза народов Нашей Америки (АЛБА), основанного на мечте Симона Боливара и Хосе Марти об интеграции Нашей Америки.

**Короткая и занимательная история Кубы, выходящая за рамки
сальсы, гаванских сигар и старых автомобилей.**

Этот небольшой том, начинающийся с доиспанского периода, включающий борьбу Кубы за сохранение Революции в годы, последовавшие за крахом Советского Союза, и заканчивающийся решением Фиделя Кастро уйти со своих постов в 2008 году, предлагает читателю панорамный обзор истории и политики маленького карибского острова, который так часто оказывался в центре мировых событий.

«Куба. Взгляд на историю» - это приглашение познакомиться со страной, столь нужное для учащихся, гостей и других людей, желающих понять, почему остров в течение веков пробуждал гнев северного соседа и в то же время притягивал его.

«Самая прекрасная земля, какую когда-либо видели глаза человеческие»

(Христофор Колумб)

«Я испытываю признательность, видя место на планете, где сердца людей не поблекли от ненависти и жадности»

(Элис Уокер)

ISBN 978-1-921700-38-5

9 781921 700385

5 1 1 9 5 >

ocean
sur

US\$11.95

www.oceansur.com

www.oceanbooks.com.au